

18+

АВАН ЛАВВА

— МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ —

Маврикий, 1994

Роман Новиков

Роман Новиков

Avan Lavwa

«Издательские решения»

Новиков Р.

Avan Lavwa / Р. Новиков — «Издательские решения»,

Маврикий, 1994 год. Маленькое островное государство посреди Индийского океана. После циклона здесь надолго гаснет свет. Ночами дороги пустеют, телефонные линии молчат, а расстояние между соседними деревнями вдруг становится гораздо больше, чем кажется на карте. Именно тогда на острове начинают рассказывать одну историю. Сначала над ней смеются. Потом находятся свидетели. Потом — люди, которым лучше бы было ничего не видеть. У каждой истории есть разумное объяснение. Пока не появляется следующая.

© Новиков Р.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I — SAN LALIMIER	10
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	43
Часть II — ENN LAVWA	51
Глава 8	62
Глава 9	75
Глава 10	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Avan Lavwa

Роман Новиков

© Роман Новиков, 2026

ISBN 978-5-0071-3371-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Avan Lavwa

Предисловие

Маврикий, февраль 1994 года. Несколько дней назад рядом с островом прошёл тропический циклон «Холланда» (Hollanda).

Сам циклон реален. 9—11 февраля сильный ветер повредил электросети и телефонные линии, повалил деревья, перекрыл дороги и на время сделал привычные расстояния между городами и деревнями сильно длиннее. Реальны и географические названия, особенности островной жизни того времени, его языки, религии и часть местного фольклора, который звучит в книге.

Пролог

Лалмати, предрассветные часы 11 февраля 1994-го; порывы Hollanda ослабли.

Перед рассветом Сарита Пуноосами успела спасти от воды мешок риса, коробку батареек и шесть багетов.

Седьмой багет ребёнок её двоюродной сестры съел почти один, отрывая мякиш маленькими влажными пальцами, пока взрослые держали дверь. Сарита не стала его останавливать. Ветер бил по дому уже второй день, и дети имели право хотя бы не просить разрешения на еду.

Теперь мальчик спал в задней комнате вместе с матерью. Их собственную крышу раскрыло над кухней, словно крышку жестяной банки, и на ближайшие дни они поселились у Сариты — если её крыша продержится.

Она подняла хлеб на верхнюю полку, рядом с батарейками и свечами. Обычно утром его клали в плетёную корзину у кассы, и к полудню корзина пустела. Но бумажные пакеты размокли, нижняя полка отсырела, а шесть непроданных багетов теперь означали завтрашний завтрак для половины улицы.

Сарита открыла кассовую тетрадь и прижала угол банкой. За день половина покупок ушла в долг. Напротив нескольких фамилий вместо суммы стояло «после крыши» или «когда придёт автобус». Она не любила такие записи: потом приходилось решать, кто кому помогал и когда помощь снова становилась долгом. Оставлять человека без свечи ради точной бухгалтерии было ещё глупее.

В сорок три года она одна держала магазин при доме и привыкла узнавать состояние всей улицы по тому, кто пришёл за хлебом и с какой стороны.

Выручки оказалось меньше обычного, хотя товар почти закончился. Сарита пересчитала купюры, завернула их в сухую ткань и спрятала выше. Одна из двух коробок мыла размякла по углам. Завтра придётся продавать куски по одному и объяснять, что мыло осталось мылом, даже если коробка перестала выглядеть новой.

Дерево прилавка было липким от влажности. Керосиновая лампа стояла на перевёрнутой коробке и отбрасывала на стену неровный круг света. За этим кругом комната словно исчезала.

Сарита проверила засов на входной двери магазина. Потом внутреннюю дверь, отделявшую торговую часть от коридора. Потом снова засов.

Она ничего не забыла. Просто за день правда о доме менялась уже несколько раз. Сначала вода не доходила до мешков. Потом дошла. Сначала металлический лист над верандой только дребезжал. Потом сорвался и исчез. Сначала радио обещало, что худшее миновало. Потом радио замолчало.

С крыши донёсся скрежет.

Сарита подняла голову и подождала.

Скрежет не повторился. В таз у стены упала капля. Потом ещё одна. В задней комнате кашлянул ребёнок, сестра что-то прошептала ему во сне. Снаружи, далеко, залаяла собака.

Дом был полон звуков, каждый из которых требовал решения. Капля означала переставить таз. Металл — проверить, держится ли оставшийся лист. Вода под дверью — поднять товар. Голос за стеной мог означать, что соседу нужна помощь.

Сарита взяла лампу и прошла вдоль полок. У двери в коридор стоял ящик с банками. Она отодвинула его ногой и проверила пол: сухо. По крайней мере здесь.

— Спи, — сказала она, когда сестра снова пошевелилась.

— Ты ещё не легла?

— Сейчас.

Сарита уже собиралась вернуться к прилавку, когда по внешней стене постучали.

Один раз.

Пауза.

Второй.

Такая же пауза.

Третий.

Звук был негромким. На удар кулака в дверь или камня в ставню он не походил. Больше напоминал костяшки пальцев по штукатурке — достаточно твёрдо, чтобы человек внутри услышал, но не настолько, чтобы разбудить всю улицу.

Сарита не двинулась.

Ветер умел повторяться, но не ждал между ударами. Лист железа мог биться о стену, только тогда после третьего последовал бы четвёртый. Ветка могла царапать, скользить, дробить звук. Эти три удара были слишком аккуратными.

За день люди несколько раз стучали друг другу в стены. Когда порыв уносил голос, это было надёжнее крика. Старик из соседнего дома так позвал её, когда вода вошла в его кухню. Позже мальчишки отбивали на воротах, предупреждая об оборванном проводе.

Кто-то мог снова нуждаться в помощи.

И кто-то мог знать, что Сарита не оставит такой стук без ответа.

Она поставила лампу на пол и сперва закрыла внутренний засов между магазином и жилой частью. Сестра появилась в дверном проёме, придерживая на груди тонкую простыню.

— Кто?

— Не знаю.

— Не открывай.

— Я и не открываю.

Сарита подняла лампу. Пламя вытянулось, когда она пошла по коридору, но не погасло. Наружная дверь оставалась запёртой. Маленькое окно над ней было закрыто ставней. Она прислонила ухо к дереву.

Никто не звал.

Вода шуршала по желобу. За стеной что-то мягко коснулось земли.

Сарита повернулась к двери во двор. Её верхняя половина была деревянной, нижняя — металлической: старую дверь съели термиты. Здесь засов держался хуже. Она не открыла его. Подняла крючок на маленьком внутреннем окошке и отодвинула заслонку на ширину двух пальцев.

Сначала не увидела ничего.

Свет лампы отражался в мокрой стене и возвращался ей в глаза. За полосой света двор был плоским. Там могли стоять трое людей, и она не различила бы их, пока кто-нибудь не двинулся.

Движение произошло слева.

Возле боковой стены магазина выпрямился человек.

Он был голым.

На нём не было вообще ничего, насколько позволял увидеть свет. Кожа блестела, будто он вышел из воды, хотя дождь почти прекратился. На колене темнела грязь. На левом запястье оставалась светлая полоса — там недавно были часы или браслет. Живот втянут, плечи подняты. На лице читался испуг.

Он смотрел на Сариту так, словно не ожидал встретить человека в её собственном доме.

Он прижимался к стене, правую руку держал у бока. Если ему требовалась помощь, почему он не позвал? Сарита крепче сжала пестик.

Между ними было меньше десяти шагов, но маленькое окошко превращало расстояние в узкий туннель. Сарита видела его отдельными частями — колено, запястье, плечо, лицо.

Первые секунды она видела прежде всего испуганного мужчину. Потом пришла другая мысль: его застали там, где он не рассчитывал встретить хозяев, и теперь он должен что-то сделать.

Сарита захлопнула заслонку. Лампа качнулась в руке. Пламя сжалось до синей точки и исчезло.

Тьма накрыла коридор целиком. Исчезли дверь, стены, собственная рука с лампой. Сестра за спиной шумно вдохнула.

Снаружи прошуршали босые шаги. Сначала вдоль стены, потом дальше от дома.

Сарита прижала ладонь к двери, будто могла почувствовать через металл, где находится мужчина. Послышался короткий скрежет, затем глухой удар. Тот же или другой пёс залаял за соседним домом.

— Он входит? — прошептала сестра.

— Нет.

Сарита не знала.

Она нащупала коробок в кармане юбки. Первая спичка сломалась. Вторая вспыхнула, осветив ногти, край двери и собственное запястье. Керосин не схватился сразу. За дверью ничего не было слышно.

После шторма такая тишина не успокаивала: дом просто переставал подсказывать, что происходит.

Наконец лампа загорелась. Сарита не открыла дверь. Сначала вернулась в жилую часть, проверила ребёнка, закрыла сестру с ним и велела подпереть внутреннюю дверь ящиком. Только потом взяла тяжёлый деревянный пестик, которым обычно толкла специи, и снова подошла к окошку.

Двор был пуст.

Мужчина не лежал под стеной, не прятался за бочкой, не стоял у калитки. На низкой ограде блестела вода. Один гвоздь, державший боковую доску, торчал наружу под новым углом.

Сарита приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы выставить лампу.

На плоском камне возле стены осталось тёмное жирное пятно. Дождь собирался вокруг него мелкими каплями, но не смывал. Чуть дальше виднелся расплывшийся отпечаток босой ступни с отчётливой пяткой. На ограде висела тонкая полоска, похожая то ли на кожу, то ли на размокшую бумагу; Сарита не стала касаться.

Низкая стена давала мужчине простой путь наружу. След вёл к ней и пропадал на мокром камне. Сарита не слышала ни прыжка на другую сторону, ни шагов по дороге. Возможно, их заглушили ветер и лай.

Она закрыла дверь и только тогда позвала соседа.

Сначала одного. Через несколько минут пришли четверо. Один принёс фонарь, другой — палку. Каждый хотел пройти по двору своим путём, и Сарите пришлось прикрикнуть, чтобы не затоптали всё окончательно. Её сестра рассказывала из дверей, хотя самого мужчину не видела. Сосед уже спрашивал, не побежала ли из двора чёрная собака. Кто-то сказал, что видел собаку у дороги час назад.

— Я видела мужчину, — повторила Сарита.

— Но куда он делся?

— Думаю, через стену.

— Ты видела?

— Нет.

— Значит, мог и не через стену.

Сарита посмотрела на жирное пятно, на гвоздь, на размытую босую стопу. Её раздражение оказалось полезнее страха.

— Не говорите за меня.

Соседи замолчали ненадолго.

Один хотел немедленно обойти квартал. Другой сказал, что в темноте они скорее изобьют человека, который вышел проверить крышу. Третий уже послал мальчика к ближайшему полицейскому посту, хотя Сарита просила сначала записать, что именно сообщать.

— Голый мужчина во дворе, — сказала она.

— Напал на тебя?

— Нет.

— Пытался?

— Я не знаю.

Мальчик повторил: «Голый мужчина напал во дворе» — и побежал, прежде чем Сарита успела остановить его.

Когда один из соседей спросил, был ли мужчина высоким, Сарита не смогла ответить. Свет менял расстояние; окно было низким; он мог стоять согнувшись. Она не знала, был ли он молодым. Не запомнила волосы. Не была уверена, что блеск на коже был маслом, а не потом и дождём.

Зато она точно знала порядок.

Сарита положила пестик на прилавок и костяшками пальцев повторила звук, который прозвучал до человека.

Первый удар.

Та же пауза.

Второй.

Та же пауза.

Третий.

Паузу ей не пришлось подбирать.

Часть I — SAN LALIMIER

Глава 1

Порт-Луи, утро 11 февраля 1994 года.

Утром небо было почти неприлично ясным.

Полицейский инспектор Дев Раджен выехал из города после семи. Он вырос недалеко от Лалмат и знал восточные дороги ещё до того, как почти двадцать лет назад перешёл к уголовным расследованиям. После Hollanda это знание устаревало быстрее карты.

Солнце поднималось над мокрыми крышами и слепило в лужах. В салоне полицейской машины пахло влажной тканью, старым винилом и бумагой. Дев ехал с открытым окном: стекло изнутри запотело.

По приёмнику повторяли, что основные дороги расчищаются и службам рекомендовано пользоваться утверждёнными маршрутами. Голос диктора то исчезал под треском, то возвращался на середине предложения. Дев услышал название дороги, на которой стоял перед вывернутым деревом, и убавил громкость.

Служебная рация под приборной панелью молчала иначе. Дев дважды снимал с держателя ручной микрофон, вызывал восточный участок и слышал только сухой треск.

На приборной панели лежала записка с тремя пунктами назначения, продиктованными по городскому телефону. Первый отменили, второй никто не подтвердил, третий назывался «восточный участок» и пока выглядел местом, до которого имело смысл пытаться доехать.

На привычном повороте дорога закончилась.

Поперёк неё лежало дерево, переплетённое с проводами. По другую сторону стояли два грузовика. Человек в резиновых сапогах показывал руками, что нужно разворачиваться.

Дев развернул карту на пассажирском сиденье и провёл ногтем по объезду.

— Там тоже не пройдёте, — сказал мужчина, подходя к окну.

— Кто приехал оттуда последним?

Мужчина оглянулся и указал на мопед у стены.

Его владелец сказал, что вода уже по ступицы и поднимается. Потом добавил, что автобус всё-таки прошёл, но автобус был высокий. Третий человек вмешался: автобус не прошёл, а вернулся. Через минуту Дев понял, что все трое говорят о разных участках одной дороги.

Он сложил карту.

Дев поехал назад, свернул на узкую улицу и через десять минут упёрся в автобус.

Тот сдавал задним ходом между бетонной стеной и канавой. Заднее стекло было заляпано грязью, водитель почти ничего не видел. Кондуктор шёл рядом, хлопал ладонью по борту и кричал то водителю, то пассажирам:

— К центру не идём! Через старую дорогу! Кто к мосту — выходите здесь!

Женщина в дверях спорила, что отсюда ей идти слишком далеко. Мужчина с мешком требовал открыть багажный отсек. Кто-то передавал через окно ребёнка родственнику на улице, потому что автобус больше не приближался к их дому.

Дев мог включить сирену. Он подождал.

Когда автобус выровнялся, кондуктор подбежал к окну полицейской машины.

— До следующего перекрёстка чисто. Потом направо. Налево столб лежит. Если увидите синий грузовик, за ним не едьте — он вернулся.

— Когда?

— Минут десять назад.

Это было самое точное дорожное сообщение за утро.

Автобус прополз мимо. На крыше были привязаны мешки, кусок кровельного железа и велосипед без переднего колеса. Пассажиры смотрели на полицейскую машину без особого интереса.

Дальше разрушение возникало отдельными задачами. На одной веранде трое мужчин прижимали новый лист железа, пока четвёртый вбивал гвозди. Через два дома женщина выносила мокрый матрас. Девочка держала над головой клетку с двумя птицами и ждала, пока мать переложит вещи в кузов пикапа. У перекрёстка люди наполняли канистры из шланга, протянутого из чужого двора.

У водяной колонки его остановила женщина с листом школьной тетради. Она попросила передать в участок четыре фамилии: люди с соседней улицы ночевали в школе, и родственники должны были знать, где их искать.

— Они пропали? — спросил Дев.

— Нет. Но телефонов нет.

Он взял лист. Возле двух имён стояло «дети», возле одного — название деревни. Бумага была сложена так много раз, что почти рвалась по сгибам.

— Кто написал?

— Учительница.

— Она там?

— Была час назад.

Дев убрал записку отдельно от полицейских бумаг.

Возле пекарни очередь занимала половину тротуара. Внутри было темно. Люди не знали, будет ли вторая выпечка, зато спорили, открыт ли мост и где сегодня выдадут дизель.

Дев остановился спросить о дороге.

— Мост открыт, — сказала женщина с пустой сумкой.

— Закрыт, — возразил мужчина перед ней. — Мой брат вернулся.

— Твой брат ехал до расчистки.

— А ты откуда знаешь?

— Кондуктор сказал.

Дев не стал выяснять, какой кондуктор и когда.

Из пекарни вышел мальчик с тремя багетами под мышкой. За ним мужчина нёс ещё пять, завернув середины в бумагу и прижав к груди. Его рубашка была мокрой и испачканной листьями; багеты он защищал от веток внимательнее, чем себя.

Запах тёплой корки на секунду пересилил грязь и дизель.

Дев вспомнил, что не завтракал, и всё равно поехал дальше.

Карту приходилось сверять с каждым новым сообщением о дороге.

В двух местах жители сами регулировали движение, пропуская машины по одной. Пожилой мужчина поднял ладонь перед полицейской машиной и сначала провёл автобус с детьми. Дев подчинился его жесту.

К участку он добрался почти на час позже, чем рассчитывал. Перед зданием люди держались несколькими группами: у двери, у окна с телефоном и вокруг мужчины, который только что приехал со стороны моста. Две женщины записывали имена на обороте картонной коробки. Под деревом сидел ребёнок с перевязанной рукой.

Дев сунул сложенную карту в бардачок.

У дверей участка люди окружали очередного прибывшего и спрашивали его о дорогах раньше, чем обращались к полицейским.

Внутри было жарче, чем на улице.

Окна участка стояли открытыми, но воздух не двигался. Потолочный вентилятор висел над дежурным столом неподвижно, и люди смотрели на него с раздражением, как на чиновника, который присутствует, но ничем не помогает.

У стены шипела стационарная служебная радиостанция. Дежурный дважды нажал кнопку на настольном микрофоне, вызвал экипаж у моста и, не получив ответа, записал время в журнал.

Копировальный аппарат рядом стоял с поднятой крышкой: отсыревший лист застрял внутри. Срочные заявления заполняли в двух экземплярах через копирку.

Дев остановился у двери.

Сперва он видел одну толпу. Потом стал различать отдельные группы.

Возле телефона ждали те, кому нужно было сообщить, что они живы, или узнать то же самое о других. У стола дежурного спорили люди с заявлениями. Рядом с окном мужчина в грязной майке объяснял состояние дороги и всякий раз показывал в другую сторону. На скамье сидели женщина с перевязанной стопой, мальчик с рассечённой бровью и старик с пакетом лекарств, которому нужны были сведения о мосте, а не врач.

— Инспектор Раджен!

Субинспектор за боковым столом поднялся слишком быстро, задел коленом ящик с бумагами и успел поймать его прежде, чем тот упал.

— Юсуф Элахи, сэр. Вас ждали.

Юсуфу было двадцать шесть, и рядом с Девом он выглядел ещё моложе. В уголовных делах он был новичком; прежняя дорожная служба пока читалась во всём, что он раскладывал на столе.

— Кто именно?

Юсуф посмотрел на комнату.

— Практически все. Но по разным причинам.

Дев поставил сумку на свободный угол стола. На одном листе были имена и районы. На другом — стрелки между населёнными пунктами. Третий был автобусным расписанием, перечёркнутым почти полностью.

— Это что?

— То, что осталось от маршрутов.

— Официально?

— Нет, сэр. Официально они ещё существуют.

Рядом с каждой линией стояли пометки: «водитель», «пассажир», «сам видел», «утро», «не проверено».

— Зачем полиции автобусы?

— Чтобы понять, мог ли человек оказаться там, где говорит. И чтобы отправлять людей домой, когда мы закончим задавать вопросы.

К столу протиснулась женщина.

— Мне сказали, вы записываете пропавших.

— Мы записываем тех, о ком нет сведений, — ответил Юсуф. — Когда вы видели сестру?

— Позавчера.

— До ветра или после?

— До. Но сосед её мужа сказал, что она уехала к тёте.

— Он видел?

Женщина нахмурилась.

— Ему сказали.

Юсуф взял другой лист.

— Здесь запишу, что вы не можете с ней связаться. Здесь — куда она могла уехать.

— Так она пропала или нет?

— Этого я пока не знаю, мадам.

Юсуф говорил почти извиняясь.

Дев передал дежурному записку со школьными фамилиями.

— Эти люди ночевали в школе час назад. Не записывайте их как пропавших.

— А как?

— Укажите, где их видели в последний раз.

— У нас нет такой графы.

— Напишите сверху.

Рядом мужчина требовал оформить кражу кровельного железа. Лист исчез ночью со двора.

— Он был прибит? — спросил Дев.

— Лежал у стены.

— Вы видели, как его унесли?

— Утром не было.

— Запишите, что имущество отсутствует. Если найдётся продавец, появится и кража.

Мужчина посмотрел на него без благодарности.

Дев снова повернулся к Юсуфу.

— Кто поручил вам маршруты?

— Никто, сэр.

— Хорошо. Возьмёте лист с собой.

— Куда?

Телефон на стойке зазвонил.

Разговоры оборвались. Несколько человек шагнули ближе, словно звонок мог предназначаться каждому. Дежурный поднял трубку, перекричал треск линии и показал на Дева.

— Порт-Луи. Питчен.

— Раджен, — сказал Дев в трубку.

Сначала слышались только помехи. Потом сквозь шум пробился голос Ролана Питчена, начальника и давнего наставника Дева.

— ...в Лалмати... женщина... магазин при доме...

— Повторите с начала.

— Вдова. Сорок с небольшим. Ночью во дворе был голый мужчина. Местный пост записал как попытку нападения.

— Он её трогал?

— В записи неясно.

— Вошёл в дом?

— Неясно.

— Угрожал?

— Дев, если бы было ясно, я бы не посылал тебя проверять.

Дев помнил этот тон Питчена: после такой похвалы возражать становилось труднее.

— Почему срочно?

— Потому что голый мужчина ночью у дома женщины может вернуться. Потому что после шторма люди ночуют в чужих комнатах. Потому что к вечеру кто-нибудь решит, что знает, кто это был, и ломает ему шею. Выбирай причину.

— Имя женщины?

— Сарита Пуноосами. Хозяйка небольшого магазина. Точный адрес дадут по месту: номер дома в форме расходится с журналом.

— Кто принимал заявление?

Линия захрипела.

— ...молодой констебль... переводил на французский...

— Имя?

— Не слышу. Возьми Элахи. И не жди криминалистов, они на другом конце района.

Связь оборвалась.

Комната сразу вернулась к своим разговорам.

Юсуф уже складывал лист маршрутов.

— Что известно? — спросил Дев.

— Сарита Пуноосами. Магазин рядом с домом. Голый мужчина во дворе после полуночи.

Она испугалась. Сосед сказал, что он исчез.

— Вы откуда знаете?

— Констебль вернулся утром и рассказал дежурному.

— Вы с ним говорили?

— Нет, сэр.

— Тогда у вас пока только пересказ констебля дежурному. Слов Сариты вы ещё не слышали.

Юсуф замер с бумагой в руках.

— Да, сэр.

— Так и запишите.

К Деву подошёл мужчина с мокрой квитанцией.

— Инспектор, у меня из дома взяли радио. И ещё я не знаю, где сын.

— Вы видели того, кто взял радио?

— Нет. Сосед видел человека.

— Сосед здесь?

— Нет.

— Тогда сын и радио пока идут отдельно.

Мужчина посмотрел так, будто Дев намеренно расколол его беду, чтобы уменьшить её.

На пороге водитель громко сообщил, что автобус прошёл там, где час назад не проходил.

Юсуф исправил лист.

— Вы давно это ведёте? — спросил Дев.

— С шести утра.

— Сколько уже устарело?

— Почти половина.

— Тогда не называйте это картой.

Юсуф опустил взгляд.

— Как назвать, сэр?

Дев просмотрел пометки и вернул лист.

— Состоянием на момент разговора.

Юсуф впервые чуть улыбнулся.

Он собрал карандаши в жестяную коробку, один оставил за ухом. Перед новым листом выровнял бумагу с краем стола. В комнате, где всё вышло из линий, аккуратность могла казаться смешной. Деву она понравилась.

— Давно в уголовном?

— Восемь месяцев, сэр. До этого дорожная.

— Поэтому автобусы?

— Поэтому я не верю времени, пока не знаю, на чём человек ехал.

Юсуф ответил неожиданно уверенно.

Они взяли блокноты, рулетку, пакеты для мелких предметов и фотоаппарат с ограниченным числом кадров. От второго сотрудника Дев отказался: тот был нужнее женщине с травмой, у которой не было транспорта.

Перед выходом Юсуф сложил свой лист вчетверо.

— Сэр, в журнале написано attempted assault. Что писать нам?

Дев открыл дверь. Снаружи ударили свет и голоса.

— Сначала то, что она скажет. Потом — что мы из этого заключили.

— Отдельно?

— Да. Её слова запишем дословно.

Магазин Сариты нашли не по номеру дома.

Юсуф дважды сверился с формой, спросил мальчика на велосипеде и наконец показал водителю автобуса фамилию. Тот не знал Сариту Пуноосами, но знал магазин вдовы возле низкой стены, где покупали хлеб до работы.

У стены стояли шесть человек.

Дев решил, что они собрались из-за ночного происшествия, и ошибся. Люди ждали хлеб. Внутри женщина раздавала багеты, свечи и батарейки, считая деньги при свете из открытой двери. На верхней полке оставалось три багета. Один покупатель хотел четыре.

— Два, — сказала Сарита. — Остальным тоже надо есть.

— У меня семья.

— У всех здесь неожиданно семья.

Покупатель кивнул на полицейскую машину:

— Им отложила?

— Полиция пусть ест свои бумаги.

Кто-то засмеялся. Дев остался у входа.

Сарита продала последние три багета двум людям, записала долг и только потом повернулась к полицейским.

— Теперь можете спрашивать.

Она была невысокой, плотной, с убранными назад волосами и лицом человека, который спал не больше часа, но уже успел открыть магазин. Под ногами ещё блестел влажный пол. За прилавком пахло керосином, хлебной коркой и картоном.

— Инспектор Дев Раджен. Это субинспектор Юсуф Элахи.

— Я уже сказала одному.

— Я знаю. Хочу услышать от вас.

Сарита посмотрела на блокнот.

— От меня или как у вас написано?

— Сначала от вас.

Дев не предложил закрыть магазин. Спросил только, где они могут говорить, не мешая проходу.

Сарита провела их во внутренний коридор, но оставила дверь магазина открытой. Из задней комнаты выглянула молодая женщина с ребёнком на руках и отступила в тень.

— Ваша дочь? — спросил Дев.

— Сестра с сыном. Их крыша ушла.

Сарита махнула рукой в сторону повреждённого дома.

Дев попросил начать с последнего обычного действия перед звуком.

— Я проверяла дверь.

— Какую?

Она показала: входная дверь магазина, внутренняя, дверь во двор. Три разных запора. Юсуф набросал схему; Сарита поправила расстояние до жилой комнаты.

— Потом?

— Я слышала три удара.

— В дверь?

— В стену.

— Вы видели, кто ударил?

— Нет.

Карандаш Юсуфа на секунду замер над словом «кто».

— Скажите ещё раз, — попросил Дев. — Точно теми словами.

Сарита нахмурилась.

— Я услышала три удара.

Юсуф записал: «Свидетельница услышала три удара по внешней стене. Источник не наблюдала».

Потом Сарита закрыла внутреннюю дверь, посмотрела через окошко и увидела мужчину.

— Одетого?

Она взглянула на открытую дверь магазина. Двое прохожих замедлили шаг.

Дев прикрыл дверь, оставив щель для света.

— Голого, — сказала Сарита.

— Он приблизился?

— Нет.

— Говорил?

— Нет.

— Касался вас?

— Нет.

— Пытался открыть дверь?

— Я не видела.

— В первом сообщении записано «попытка нападения».

— Он был у моего дома ночью и без одежды. Этого мало?

— Этого достаточно, чтобы я был здесь. Но я должен записать, что именно произошло.

Молодая родственница появилась в дверях.

— Она чуть не умерла со страха.

Сарита повернула голову:

— Я не умерла.

— Я хотела, чтобы они не отмахнулись.

— Тогда дай говорить мне.

Женщина прижала ребёнка и отвернулась.

— Что вы запомнили лучше всего? — спросил Дев.

— Блеск.

— От воды?

— Дождь почти кончился. На коже было что-то ещё.

Рост Сарита определить не могла: окно низкое. Мужчина точно не был стариком; дальше света не хватало. Волосы — тёмные или просто мокрые. Лицо испуганное, на колене грязь.

— На руке была полоса.

Она коснулась левого запястья.

— Как под часами.

— Уверены, что левая?

Сарита встала так, как стояла ночью, и вытянула руку, представляя фигуру во дворе.

— Если он смотрел на меня, то левая.

Юсуф отметил отдельно.

— Потом лампа погасла, — сказала Сарита.

— Он её погасил?

— Я не сказала этого.

В темноте она слышала босые шаги вдоль стены, скрежет, глухой удар и собаку за соседним домом. После этого ни мужчину, ни собаку она не видела.

Дев несколько раз менял порядок вопросов. Сарита раздражалась, но не угадывала. Там, где не знала, говорила «не знаю». Там, где могла ошибаться, — «мне показалось». Не менялся только порядок: три удара, движение во дворе, мужчина, тьма, шаги, скрежет, лай.

— Покажите место.

Они вышли во двор.

Летнее февральское солнце уменьшило всё. Открытая половина двора уже подсохла, но между низкой стеной и магазином держалась полоса тени. Там лежали пустая банка, два мокрых листа и кусок верёвки.

Сарита остановила Юсуфа прежде, чем он наступил на плоский камень.

— Здесь.

Тёмное пятно сохранилось на камне у стены. Масло смешалось с грязью и водой. По пятну нельзя было понять, кокосовое оно, машинное или кухонное.

Один гвоздь торчал из доски наружу. Рядом была свежая царапина, ниже — расплывшийся след босой ноги, частично перекрытый чужим сандалем.

— Кто ходил здесь после? — спросил Дев.

Сарита указала на улицу.

— Половина соседей. Я просила не ходить. Они проверяли, не прячется ли он.

— Проверили?

— Каждый отдельно.

Юсуф с трудом удержал улыбку.

Мужчина мог опереться ладонью, поставить ногу на камень и перелезть. Дев измерил высоту стены и расстояние до пятна. За стеной земля была вытоптана ещё до циклона; нового следа там не различить.

Юсуф достал фотоаппарат. Плёнки оставалось мало.

— Общий вид стены, — сказал Дев.

Щелчок.

— Гвоздь и царапина с линейкой.

Щелчок.

— След ноги.

— Его перекрыли.

— Снимайте с перекрытием.

Юсуф сфотографировал. Чистого отпечатка не было, и Дев не хотел, чтобы он появился позже в чьём-нибудь пересказе отчёта.

У стены лежала тонкая полоска. Дев поднял её пинцетом: размокшая этикетка от бутылки.

— В пакет? — спросил Юсуф.

— Запишите и оставьте. Она могла лежать здесь ещё до ночи.

Один из соседей наблюдал из-за ограды.

— А собака?

— Что с собакой? — спросил Дев.

— После того как он исчез, там была чёрная собака.

— Вы видели мужчину?

— Нет. Сарита видела.

— Собаку?

— Мой племянник.

— Где он?

— Ушёл за хлебом.

Другой сосед сказал, что собака жила через два дома. Первый возразил: та была коричневая. Третий вспомнил, что ночью собаки никто не видел — только слышали лай.

Юсуф отошёл к мягкой земле возле соседней калитки. Несколько собачьих отпечатков шли оттуда к дороге. Человеческий след находился у стены Сариты. Между ними лежал камень, не сохранивший ничего.

— Начинаются в разных местах, — тихо сказал Юсуф.

— Это и запишем.

Сосед спросил:

— Так он стал собакой или нет?

— У нас есть человеческий след у одной стены и собачьи у другой калитки, — ответил

Дев.

— Значит, не стал?

Дев посмотрел на пустой камень между ними.

— Значит, следы начинаются в разных местах.

Сосед нахмурился: ответ его явно не устроил.

К магазину подошла женщина с двумя пустыми бутылками и спросила, есть ли керосин. Сарита ответила, что закончился вчера. Женщина осталась слушать и вскоре уже поправляла соседа: мужчина был не «совсем чёрный», а «блестящий».

Из магазина позвала Сарита. Она держала небольшую картонную коробку с дешёвыми украшениями, заколками и часами.

— Здесь был браслет.

— Когда видели в последний раз?

— Вчера днём.

— После этого магазин был открыт?

— Пока ветер не усилился.

— Кто входил?

— Люди.

— Сколько?

— Вы хотите список во время циклона?

— Хочу понять, могли ли взять раньше.

Сарита сердито поставила коробку на прилавок.

— Могли. Но обычно я замечаю.

— Напишите, что заметили сейчас, — сказал Дев.

Она посмотрела на него и кивнула.

Пропажа делала кражу вероятнее, но пока не связывала её с ночным мужчиной.

У двери появилась Айша Дауд — журналистка городской хроники, которой редакция всё ещё не давала постоянной политической полосы. Она начинала с проверки имён и телефонных сообщений и научилась искать новости у медсестёр, водителей и секретарей раньше, чем у людей с должностями.

Дев узнал её не сразу — только потому, что не ожидал увидеть. Волосы были убраны, рукава закатаны, на плече висела сумка. Она посмотрела сначала на Сариту, потом на него.

— Инспектор Раджен.

— Айша Дауд.

Они произнесли имена так, как люди, которые когда-то были близки и теперь не знают, кем считать друг друга.

Айша держала карандаш неподвижно. Много лет назад это означало, что она перестала собирать цитату и начала слушать. Дев заметил жест и сразу разозлился на себя.

— Вы уже что-то записали? — спросил он.

— Достаточно, чтобы понимать, чего не знаю.

— Редкое состояние для газеты.

— И болезненное для полиции.

Юсуф занялся пакетом для улики. Сарита переводила взгляд с одного на другого.

— Я разговариваю со свидетельницей, — сказал Дев.

— Я вижу.

— Откуда вы узнали?

— От человека, который услышал от человека, чей племянник пошёл за хлебом.
Сосед за оградой обиженно кашлянул.
Айша обратилась к Сарите:
— Можно я вернусь завтра без толпы?
Дев сказал:
— Пока нельзя делать из неё историю о деревенском чудовище.
Сарита резко повернулась.
— Голая была не я.
Айша не улыбнулась.
— Я не должен был так сказать, — произнёс Дев.
Сарита подождала, не последует ли объяснение.
— Хорошо, — сказала она. — Тогда слушайте дальше.
— В первом рапорте написано «нападение», — сказала Айша. — Она сказала, что на неё напали?
— Нет.
— Тогда кто написал?
— Это рабочая квалификация до уточнения.
— Для вас. Для следующего человека это уже событие.
— А для газеты?
— Пока вопрос.
— Вопрос крупным шрифтом перестаёт быть вопросом.
— А полицейская форма мелким шрифтом — предположением.
Сарита стукнула ладонью по прилавку.
— Вы двое можете спорить не в моём магазине?
Они замолчали.
— Он был голый. Он был здесь. Я испугалась. Он меня не трогал. Я не знаю, зачем пришёл. И три удара я услышала раньше, чем увидела его.
Айша убрала карандаш.
— Я вернусь завтра, если вы согласитесь.
— Одна.
— Одна.
Из задней комнаты заплакал ребёнок. Сарита отдала соседке свечу, записала долг и ушла к родственнице.
Юсуф показал Деву страницу.
— Я записал отдельно: человек, собака, удары, пропажа.
Айша взглянула на лист.
— А в первом рапорте?
— Посмотрим, — ответил Дев.
— То есть вы тоже ещё не видели оригинал.
Он не любил, когда она произносила вслух границы его знания.
У двери новый покупатель услышал слово «собака» и спросил, о чём речь.
Сосед оживился:
— Голый мужчина перелез через стену. За ним погнались. Он исчез. Потом появилась чёрная собака.
— Никто за ним не гнался, — сказала Сарита из коридора.
— Оборотень? — спросил покупатель.
— Большой, — ответил сосед, не заметив, что вопрос был не о размере.
Юсуф открыл рот, чтобы объяснить про следы. Дев остановил его жестом.
Дев вернулся к отметинам у окна. Источника трёх ударов он так и не нашёл.

Глава 2

Лалмати, утро 12 февраля 1994 года.

Хлеб опоздал на два часа и приехал раньше правды.

Фургон остановился у магазина с грохотом: водитель не заметил ветку под колесом. Люди, ожидавшие вдоль стены, сразу поднялись. Кто-то уже держал деньги в руке. Кто-то пришёл за батарейками и остался ради хлеба. Две женщины спорили, сколько багетов можно брать одной семье, ещё до того, как Сарита открыла заднюю дверь фургона.

Айша стояла в стороне и не доставала блокнот.

Она рассчитывала поговорить до покупателей, но после Hollanda «рано» больше ничего не гарантировало. Водитель привёз не только хлеб. Он сообщил, где убрали дерево, какой автобус не вышел и что на соседней дороге видели грузовик с людьми в форме. Через минуту сведения расходились в трёх вариантах.

Сарита разгружала багеты сама. Молодая родственница принимала их у двери и считала вслух. Ребёнок сидел на перевёрнутом ящике, обхватив колени.

— Двадцать четыре, — сказала родственница.

— Двадцать три, — возразил водитель.

— Я считала.

— Один сломался.

Сарита достала из фургона две половины и положила их рядом.

— Двадцать четыре.

Айша могла бы начать заметку уже здесь.

«На рассвете после Hollanda жители Лалмати выстроились за хлебом у дома, куда ночью пришёл голый человек».

Все детали по отдельности соответствовали фактам, но фраза собирала из них сцену, которой не было. Очередь возникла из-за задержанной поставки. Рассвет закончился задолго до её приезда. Хлеб, циклон и нагота встретились только на бумаге.

Айша записала фразу на последней странице и перечеркнула.

Первые покупатели взяли по два багета. Третий попросил пять.

— Три, — сказала Сарита.

— У меня дома девять человек.

— У неё одиннадцать. — Сарита кивнула на женщину за ним. — И она не кричит.

Мужчина забрал три багета и у порога сказал следующему покупателю:

— Это здесь голый человек стал собакой.

— Здесь человек перелез через стену, — ответила Сарита. — Собака была у другого дома.

— Я только повторяю.

— Тогда повторяй правильно.

— Я там не был.

— Вот это уже правильно.

Айша достала блокнот.

Когда очередь стала короче, она подошла к прилавку.

— Вы сказали, что можно прийти одной.

Сарита посмотрела за её плечо.

— А вы одна?

— Да.

— Газета с вами всегда.

— Блокнот можно закрыть.

— Тогда зачем пришли?

Айша положила его на прилавок.

— Услышать ещё раз. И спросить, чего не должно быть в статье.

Молодая родственница вмешалась:

— Напишите, что полиция ничего не делает. Он мог вернуться ночью.

Сарита складывала батарейки в сухую коробку.

— Ты его видела?

— Нет. Я хотела, чтобы тебе поверили.

Сарита подняла глаза от коробки.

— Ты не спросила, чему именно.

Родственница отвернулась к фургону.

Айша подождала, пока Сарита продаст пожилой женщине свечи. В задней комнате сушились полотенца, висела детская одежда и стояли два чужих чемодана. Магазин и дом дышали одним воздухом.

— В полиции использовали слово «нападение», — сказала Айша. — Он на вас напал?

— Нет.

— Пытался войти?

— Я не видела.

— Угрожал?

— Не говорил.

Сарита посмотрела на блокнот.

— Вы будете писать на французском?

— Скорее всего.

— А спрашиваете на креольском.

— Да.

— Тогда сначала запишите, как я сказала.

Она повторила порядок коротко: двери, три удара, окошко, голый мужчина, погасший свет, шаги, скрежет, лай. След ноги, жирное пятно и гвоздь нашли потом.

Айша прочитала формулировку из полицейского сообщения:

— «Неизвестный трижды постучал».

Сарита покачала головой.

— Я не видела, кто стучал.

— Но так записано.

— Тогда полиция видела больше меня.

Айша зачеркнула строку.

— Скажите ещё раз.

— Я услышала три удара.

В задней комнате ребёнок уронил металлическую кружку. Молодая родственница вздрогнула.

— Видите? — сказала она. — Она всю ночь не спала.

— Я спала час, — ответила Сарита. — Для тебя это ничего. Для магазина — час.

У входа появилась Соланж Аделаида — пожилая швея, у которой в Лалмати спрашивали не только о ткани, но и о старых историях. Сухая женщина в тёмном платье принесла пакет пустых бутылок и поставила их на прилавок.

— Вы про ночного?

— Я про Сариту, — сказала Айша.

— Так ночной был у Сариты.

— Вы его видели?

— Я видела другого.

— Когда?

Соланж задумалась.

— Давно.

— Он тоже был голый?

— Не совсем. В белом. Или без рубашки. Ночью белое и кожа одинаковые.

— Он превращался в собаку?

— Тот — нет. Тот шёл за повозкой.

Мужчина у двери перебил:

— Никакой повозки. Это лугару. Они натираются маслом, чтобы их не поймали.

— Если натираются, значит люди, — сказала Сарита.

— Человек тоже может быть лугару.

— Тогда слово ничего не объясняет.

Соланж всё-таки рассказала. После сильного дождя человек шёл ночью за телегой без возницы. В одной версии он был голым, в другой — в белом, в третьей человека не было вовсе, только колёса и две женщины на дороге.

— И что это доказывает? — спросила родственница.

— Ничего, — ответила Соланж. — Истории не всегда доказывают.

— Тогда зачем рассказывать?

— Чтобы ты не думала, будто первой придумала бояться темноты.

Некоторое время все молчали.

Другой покупатель сказал, что голыми ходят воры: одежда цепляется за проволоку, а масло помогает выскользнуть из рук. Соланж возразила, что вор не стал бы предупреждать хозяина тремя ударами. Родственница сказала, что стук был знаком. Знаком для кого, объяснить не смогла.

— Toupi minwi, — произнёс мужчина у двери, словно подводил итог.

Айша подняла карандаш.

— Что именно вы назвали?

— Ночного голого.

— Это один человек?

— Может, человек.

— Лугару?

— Может, лугару.

Соланж сказала, что настоящий лугару не обязан быть голым. Другой покупатель заметил, что toupi просто означает нагого. Третий поправил произношение. Все трое заговорили разом; о дворе Сариты больше никто не спрашивал.

Айша записала выражение на полях, отдельно от рассказа.

Оно было коротким и звучало так, будто существовало всегда, хотя каждый вкладывал в него своё. Для заголовка — почти опасно хорошо.

— Я такого не говорила, — сказала Сарита.

— Я знаю.

— Вчера тоже все знали.

Айша не стала соединять имя с основной записью.

В магазин вошёл пожилой мужчина в чистой, но помятой рубашке. С Саритой он быстро заговорил на креольском: купленные вчера батарейки не работали. Сарита проверила упаковку и показала, что одну он вставил неправильно.

Потом мужчина заметил Айшу.

Он выпрямился, перешёл на формальный французский и сообщил «мадам журналистке», что население крайне обеспокоено серией опасных происшествий.

— Серией? — спросила Айша на том же языке. — Сколько случаев вы видели сами?

Мужчина замаялся.

Сарита ответила по-креольски:

— Вчера ты видел только, как я закрыла магазин.

Французский исчез.

Айша закрыла блокнот.

— Один вопрос. Чего не должно быть в статье?

— Что он на меня напал.

— Ещё?

— Не пишите, что я знаю, кто стучал.

— А про мужчину?

— Это было.

— Про масло?

— Я сказала, что кожа блестела.

— Про собаку?

— Я слышала лай.

— Про Touni Minwi?

— Это сказали они.

Сарита обвела рукой весь магазин.

На улице водитель фургона уже рассказывал, что женщина отбилась от голого оборотня пестиком.

— Вы его били? — спросила Айша.

— Нет.

— Но пестик брали?

Сарита прищурилась.

— Кто вам сказал?

Айша посмотрела на молодую родственницу. Та отвела глаза.

Айша разделила страницу на четыре части: «Сарита», «полиция», «соседи», «старые истории».

В пятом, узком поле осталось Touni Minwi.

Обводить его Айша пока не стала.

Редакция ожила одним рывком.

Сначала во дворе кашлянул генератор. Потом загорелись лампы, завибрировал старый холодильник, зазвонил телефон, который до этого молчал, и из дальней комнаты крикнули, что ток нужен на набор, а не на чей-то чайник.

Кто-то выдернул вилку холодильника.

— Два часа, — объявил редактор. — Если привезут ещё дизель — три. Значит, два.

Айша положила сумку на стол. Дорога из Лалмати заняла вдвое больше обычного. От блокнота пахло хлебом и сырой бумагой; нижний край одной страницы размок, пока она ждала автобус.

На соседнем столе лежала иностранная сводка об открытии зимних Игр в Норвегии. На маленькой фотографии люди стояли среди снега под ясным холодным небом. Сотрудник международной полосы требовал хотя бы восемь строк.

— Дай четыре, — сказал редактор. — И не объясняй, что такое зима.

— Там французы...

— Французы пусть сначала выиграют.

Лист с белым стадионом оказался под сообщением о районах без питьевой воды. Мир не остановился из-за их циклона; просто перестал помещаться на полосе.

Редактор протянул руку.

— Что у нас?

— Один мужчина во дворе одного дома.

- Голый.
- Да.
- Три удара.
- Женщина услышала три удара. Она не видела, кто их произвёл.
- И собака.
- У другой калитки.
- Это лучше или хуже?
- Для фактов лучше.
- Я спрашиваю про газету.
- Айша не отдала блокнот.

Редактор умел выглядеть циником ровно до тех пор, пока ошибка не становилась печатной. Тогда мог среди ночи остановить машину с тиражом ради неверной фамилии. Но место на первой полосе считал почти физическим веществом.

Он положил перед Айшей макет: дороги, вода, районы без электричества, больницы, политическая реакция. На полях карандашом были отмечены объёмы.

— Вот остров. У него нет крыши, воды, света и половины телефонов. Куда поставить голого человека?

- Не моего.
- Тем более.

— История не только в нём. «Я услышала» уже стало «он постучал», а «был во дворе» — «напал».

- Для этого тебе нужна колонка о грамматике.
- Для этого нужно показать, как предположение становится событием.
- Констебль заполнил форму во время циклона. Это пока не заговор.
- Я и не говорю, что заговор.
- Тогда что читатель узнает из первых трёх строк?

Айша посмотрела на четыре колонки в блокноте.

— Что ночью возле магазина был реальный человек. Что, возможно, пропал браслет. Что Сарита не подтверждает нападение. И что люди уже называют случившееся старыми словами.

— Какими?

Она назвала лугару и Touni Minwi.

Редактор повторил последнее вслух.

— Вот заголовок.

— Нет.

— Почему?

— Потому что один назвал так ночного голого мужчину, а другой сразу сказал, что это обычный вор. Общего существа пока нет.

— Заголовок не обязан быть существом.

— Человек обязан.

Из соседней комнаты принесли новую сводку: дорога на юг снова закрыта. Редактор перечеркнул два абзаца — прежняя информация устарела до набора.

— Мы печатаем то, что знаем сейчас, — сказал он.

— Дорога не обидится, если завтра окажется открытой.

— Чиновник обидится.

— У дороги нет соседей, которые решат, что она сама пригласила мужчину.

Редактор посмотрел внимательнее.

— Что Сарита просила не писать?

— Что на неё напали. Что мужчина точно стучал. Что она знает, кем он был.

— А что разрешила?

— Факты не выдают разрешение.

— Не начинай.

Телефон зазвонил. Молодой сотрудник первым схватил трубку, записал что-то на ладони и крикнул, что в западном районе восстановили воду. Ему ответили, что сообщение часовое и насос опять остановился.

Редактор посмотрел на часы.

— Час сорок семь. Дай короткую версию.

— «Хозяйка магазина сообщила, что ночью заметила во дворе неизвестного голого мужчину. Полиция проверяет возможную кражу. Женщина подчёркивает, что мужчина не прикасался к ней и не угрожал».

— Слишком много про то, чего он не сделал.

— Потому что остальное уже сделали за него.

— На первую не войдёт.

— И не должно.

Редактор отодвинул текст на внутреннюю полосу, к перекрытым дорогам.

Облегчения Айша не почувствовала: материал просто ушёл на внутреннюю полосу и ждал своего часа.

Редактор перевернул макет. На обратной стороне крупно стояло TOUNI MINWI, рядом два варианта французского написания.

— Рабочее название, — сказал он.

— Рабочие названия потом начинают работать без нас.

— Красиво.

— Не цитируйте меня самой себе.

Он зачеркнул слова одной линией, не до конца.

— Что тебе нужно, чтобы проверить серию?

Айша подумала. Нужны были сообщения, появившиеся до публикации имени: разные районы, разные свидетели, похожая физическая деталь. Но сама постановка задачи уже отбрасывала похожее и отбрасывала остальное.

— Два случая, — сказала она. — Не из одного круга. И я говорю со свидетелями до того, как им перескажут Сариту.

— Почему два?

— Один может быть чем угодно. Три заставят проверять общий механизм.

— Или общий слух.

— Это тоже механизм.

— Принеси два. Пока ставим короткую заметку без имени.

Они спорили ещё о четырёх глаголах и двух предлогах. В итоге осталось «заметила во дворе», а не «обнаружила возле дома». Редактор отправил текст на внутреннюю полосу.

Печатник заметил слова на обороте макета.

— Как писать: Minwi или Minuit?

— Никак, — сказала Айша.

— Мне для пометки.

Редактор кивнул на французский вариант:

— В скобках. Пока внутренний.

Печатник написал Touni Minuit и обвёл карандашом, чтобы не потерять среди правок.

Через минуту из наборной спросили, почему слово «ночной» французское, а имя крепольское. Кто-то ответил, что читатель всё равно произнесёт по-своему. Ночь Сариты стала орфографической задачей для людей, не стоявших в её дворе.

Айша хотела возразить, но промолчала. Пока это оставалось рабочей меткой, которую можно было снять в любой момент.

Она открыла второй блокнот — с телефонами людей, которых нельзя было цитировать без повторного разговора. Несколько страниц слиплись от влажности.

Старый номер Дева оказался там, где был всегда.

Айша не пользовалась им шесть лет. Номер мог не работать, мог принадлежать другому кабинету, мог вести к человеку, с которым она собиралась обсуждать только дело.

Старые чернила расплывались. Она переписала цифры на сухой край страницы и не стала проверять собственное объяснение.

— Кому звонишь? — спросил редактор.

— Пока никому.

— У тебя час десять.

— У нас.

Айша закрыла блокнот и взяла список районных корреспондентов, больниц и участков. С полицией, возможно и с Девом, ещё предстояло говорить. Но прежде она хотела успеть к свидетелям, пока до них не дошли чужие пересказы.

Генератор на дворе на секунду сбился. Свет мигнул. Все замерли.

Двигатель выровнялся, и работа продолжилась быстрее.

Айша открыла список на восточных районах.

Глава 3

Порт-Луи, утро 18 февраля 1994 года.

К утру Айша разложила на столе четыре истории.

Сарита Пуноосами занимала две страницы. На первой были её слова, на второй — то, что успели добавить соседи и полиция. Голый мужчина у стены. Возможная кража. Блеск на коже. Погасшая лампа. Лай собаки. Между пунктами Айша оставила поля для уточнений.

Рядом лежало сообщение о немецком туристе. Он видел в свете фар бегущего человека, а несколько секунд спустя — большую чёрную собаку. Корреспондент дважды подчеркнул слово «потом», но уже в следующей строке написал «превратился».

Третья стопка состояла из двух записок о подростках на крышах. Один мальчишка признался, что хотел напугать соседей и стащить сушившуюся одежду. В соседнем районе его уже описывали как человека, перепрыгнувшего три дома.

Четвёртая стопка была толще остальных и почти бесполезна. Звонки без обратного адреса, пересказы из автобусов, женщина, чей двоюродный брат слышал о фигуре на кокосовой пальме. В двух записях встречалось Touni Minwi, в одной — touni minuit, ещё в одной корреспондент написал просто: «ночной голый».

Айша перевернула лист с пальмой лицом вниз.

Телефон у стены зазвонил и замолчал. Через минуту линия ожила снова.

— У меня ещё один, — прокричал районный корреспондент. — Женщина видела на крыше того самого.

— Кого именно?

— Touni.

— Что он сделал?

— Стоял.

— Голый?

— Она не уверена.

— После полуночи?

— До одиннадцати.

— Когда она впервые услышала это имя?

На том конце возникла пауза. Корреспондент отложил трубку, задал вопрос кому-то рядом и вернулся.

— Утром. Сосед сказал.

— После того, как она рассказала про крышу?

— Получается, после.

Айша положила сообщение в четвёртую стопку. Человек на крыше мог быть реальным.

Имя пришло позже.

Генератор во дворе редакции изменил тон. Печатник поднял голову от двери.

— Сорок минут.

— Ты говорил час.

— Двадцать минут назад.

На соседнем столе ужимали список перекрытых дорог. Внизу первой полосы оставляли место для заявления министра Будху: свет скоро вернётся в экономически важные районы. Айша дважды просила полный текст и перечень этих районов. Ей приносили сокращённую версию и совет не искать политику там, где людям нужен свет.

Редактор положил перед ней пробную полосу.

Имя занимало почти всю верхнюю четверть.

TOUNI MINUIT EST DE RETOUR?

Айша увидела сначала размер букв, потом слова.

— Нет.

— Что именно?

— Est de retour.

— Вопросительный знак остаётся.

— Ничего не вернулось. Мы даже не доказали, что раньше было что-то одно.

Редактор посмотрел на четыре стопки.

— У нас три района. Люди уже пользуются одним именем.

— Для разных вещей.

— Значит, текст это объяснит.

— Заголовок объяснит раньше текста.

Он сел на край стола.

— Предлагай.

Айша перечеркнула последние три слова и оставила только TOUNI MINUIT. Посмотрела на редактора.

— Это всё равно делает четыре истории одной, — сказал редактор.

— Да.

Он ждал продолжения. Айша его не дала.

На внутренней полосе верстальщик в третий раз уменьшал шрифт списка работающих водяных точек. Айша смотрела на стиснутые строки. Ради её материала придётся убрать часть списка. Но люди боялись выходить ночью, их грабили, подростки уже пользовались страхом. Об этом тоже нужно было писать.

— Ты сама привезла это слово из нескольких мест, — сказал редактор.

— В одном месте так называют вора. В другом — louagou. В третьем — любого голого мужчину после полуночи.

— Но материал о том, что люди их связывают.

— Тогда подзаголовок должен говорить именно это.

Они сократили его до двух строк: несколько ночных происшествий после циклона получили общее имя; полиция не подтверждает единого исполнителя.

Редактор вычеркнул «несколько разных». Айша вернула «несколько». Он оставил.

В первом абзаце стояло: «После трёх ударов по стене Сарита Пуноосами увидела неизвестного». Айша зачеркнула число ещё накануне. Теперь заменила «стука» на «звука».

— Почему не стук? — спросил редактор.

— Она слышала удары. Не видела, кто их сделал.

— Читатель поймёт.

— А я хочу оставить ей именно то, что она сказала.

Точный счёт и равные паузы остались только в её блокноте и полицейском рапорте.

Из абзаца о туристе Айша убрала «превратился». Оставила: человек исчез из света фар; затем на дороге появилась собака. Из истории Сариты убрала «нападение». Из заметки о подростках — «последователи».

Печатник заглянул снова.

— Двадцать пять.

Редактор перевернул полосу и постучал по месту для подписи.

— Твой материал вытесняет половину заявления Будху.

— Он всё равно не назвал сроков.

— И ставит твоё имя наверху.

Айша подняла глаза.

— Это аргумент?

— Это то, что ты не произносишь.

Политические источники начинали отвечать после первой большой истории. Никто ей этого не обещал, но Айша знала, как меняется голос секретаря, когда фамилия журналиста становится узнаваемой. Она хотела эту дверь задолго до Сариты.

— Подпись остаётся, — сказала она.

— Я и не предлагал убрать.

Айша перечитала текст, задерживаясь на оговорках о свидетелях и датах.

Она ещё могла снять материал. Представила завтрашнюю чужую газету с этим заголовком — и свою досаду. Одними опасениями за точность её не объяснишь.

Она поставила инициалы на макете.

Печатник забрал полосу до того, как она успела снова коснуться карандашом заголовка.

На столе остались четыре пустых прямоугольника, где лежали отдельные стопки. В печать ушёл один лист.

К дому Айша добралась, когда со стола уже убрали пустые тарелки.

Мать ничего не сказала об опоздании. Поставила перед дочерью оставленную миску, пододвинула маленькую тарелку с финиками и спросила:

— Чай сейчас или после еды?

— Сейчас.

— Тогда после еды.

За столом ещё сидели отец, тётка и двое младших родственников. Остальные перешли в соседнюю комнату, где радио ловило новости только тогда, когда никто не проходил между антенной и окном.

Рядом с отцом лежала сложенная газета. Чёрное имя проступало даже через сгиб.

Айша сначала выпила воды. Только потом заметила, насколько голодна.

Отец подвинул к ней корзинку.

— Последний хлеб.

Мальчик напротив немедленно отломил от него половину.

— Был последний, — уточнил отец.

Мать поставила чайник и забрала у мальчика кусок, который тот всё равно не смог бы съесть.

— Ты читала? — спросил отец.

— Я её написала.

— Написать и прочитать — разные вещи.

Он развернул газету. Заголовок занял пространство между чайником и тарелкой Айши.

— В тексте всё осторожнее, — сказала она.

— Я прочёл.

— Тогда в чём проблема?

— Я не сказал, что есть проблема.

Айша уже приготовила ответ человеку, который попросит её не злить полицию, министра или богатые семьи. Отец вместо этого спросил:

— Ты ела до рассвета?

— Да.

Мать посмотрела на неё.

— Немного.

— Значит, почти не ела, — сказал отец. — Поешь сначала.

Айша отложила ложку.

— Ты хотел говорить о газете.

— Теперь хочу.

Он положил палец на её подпись.

— Люди увидят это имя и твоё. Не твои оговорки в третьем абзаце.

— Значит, им надо читать дальше.

— А ты сама всегда читаешь до конца?

— А что мне было делать? Не писать?

— Я этого не сказал.

— Ты всегда думаешь сначала о том, кто может обидеться.

Отец сложил газету вдвое.

— Когда я был моложе тебя, одна жалоба нужному человеку могла оставить лавку без кредита. Мы не называли это покорностью. Мы считали, сколько месяцев протянем.

— Сейчас не колония.

— Я знаю дату независимости, Айша.

Он сказал это спокойно. Мать поставила между ними хлеб.

— Передай, — сказала она.

Айша передала.

Отец взял небольшой кусок.

— Молчать я тебя не прошу. Просто редактор вечером уйдёт домой, а твоя фамилия останется на этой полосе.

— Я согласилась на заголовок.

— Тогда не защищайся редактором.

В комнате рядом радио наконец поймало диктора. Тот произнёс Touni Minuit так, будто это имя существовало давно и оставалось только правильно его выговорить. Кто-то прибавил звук.

Айша снова посмотрела на верх полосы. Имя и её подпись. Оговорки были напечатаны гораздо мельче.

— Текст точный, — сказала она уже тише.

— Хорошо.

— Заголовок тоже не лжёт.

— Возможно.

Мать подлила бульон.

— Завтра придёшь вовремя?

— Постараюсь.

— Это значит нет.

Мальчик потянулся за остатком хлеба. Отец накрыл его ладонью.

— Этот действительно последний.

— Ты уже говорил.

— Ты тогда ещё не отломил половину.

Кто-то засмеялся.

Айша доела, сложила газету и убрала в сумку.

К вечеру газета лежала на каждом втором столе участка и мешала работать больше, чем телефон.

Дежурные использовали Touni Minuit как название общего дела, хотя общего дела ещё не существовало. Одни прикрепляли к нему заявления о кражах, другие — звонки о людях на крышах, третьи — жалобы на собак. Дев дважды разложил бумаги обратно по отдельным папкам. Через полчаса кто-то снова сложил их вместе.

— Так быстрее, сэр, — объяснил молодой констебль.

— Для чего?

Тот не ответил.

Перед Девом сидел мужчина, который видел ночью фигуру у ограды.

— Она была вся чёрная, — сказал он.

— Кожа, одежда или свет?

— Как в газете.

— Газета была у вас ночью?

Мужчина раздражённо посмотрел на него.

— Конечно нет.

Юсуф, записывавший сбоку, спросил:

— Когда вы впервые услышали имя?

— Утром.

— Где?

— В автобусе. Нет, сначала сосед сказал. Газету я купил позже.

Юсуф провёл внизу карточки новую строку.

— Что вы пишете? — спросил Дев.

— Откуда он знает историю.

— Я знаю её от вас, — вмешался мужчина.

— Нет, сэр. Откуда вы знали её до того, как пришли к нам?

Через несколько вопросов выяснилось, что сам он видел только движение у забора и услышал, как кто-то задел металлический лист. Голого человека добавил сосед. Чёрный цвет пришёл из автобуса. Имя — из газеты или раньше; мужчина уже не был уверен.

Юсуф написал на полях четыре коротких обозначения: видел, слышал, пересказ, печать.

— Добавьте время первого знакомства, — сказал Дев.

— Ко всем заявлениям?

— Где возможно.

Дежурный за соседним столом услышал.

— Мы и обычные не успеваем заполнить.

Он был прав. Телефон звонил, люди ждали у двери, бумага заканчивалась. Дев сократил новую графу до одного вопроса: откуда впервые узнали имя или признак.

— Если не помнит?

— Так и пишите.

Юсуф начертил на половине листа цепочку людей и мест, через которые могла пройти фраза.

Питчен появился после девяти. Снял мокрый пиджак, положил на спинку стула и посмотрел две верхние карточки.

— Почему разные номера?

— Потому что разные события.

— В штабе восстановления нужен один обзор.

— Обзор — не дело.

— Я знаю разницу, Дев.

Питчен говорил устало, без привычного нажима. На его столе уже лежали запросы СЕВ, министерского секретариата и районных администраций. Люди создавали ночные патрули, перекрывали дороги, звонили по поводу каждого голого по пояс работника. Другим службам действительно нужно было знать, где страх превращался в действие.

— Отправим сводку, — сказал Питчен. — Места, время, травмы, патрули, признаки.

— Кому?

Питчен показал список: полиция, СЕВ, штаб восстановления, министерский секретариат, несколько районных контактов.

— Полный рапорт Сариты тоже? — спросил Дев.

— Как приложение.

— Зачем энергетикам три удара по стене?

— Затем же, зачем нам их отключения. Если деталь повторится, кто-то должен это заметить.

Дев задержался на списке. Сколько людей услышит о трёх ударах после такой рассылки? Но Питчен ждал ответа, и исключить энергетиков Дев не решился.

— Отметьте каждый экземпляр, — сказал он.

— Номер на копии не остановит пересказ.

— Но покажет, сколько копий мы сами создали.

Питчен согласился.

Юсуф раскладывал между листами копировальную бумагу. На верхнем экземпляре слова Сариты всё ещё были осторожными: услышала три удара, источник не наблюдала. В краткой сводке рядом уже стояло: «неизвестный подал повторный звуковой сигнал».

— Уберите подал, — сказал Дев.

— Уже напечатано на остальных.

— Исправьте от руки.

Они исправили на пяти копиях. На шестой карандаш сломался. Юсуф заточил его ножом и продолжил.

Телефон зазвонил, когда Питчен подписывал список получателей.

Дежурный поднял трубку, несколько раз переспросил район и передал её Юсуфу.

— Говорите медленно, — сказал тот. — Что вы видели сами?

Дев слышал только его сторону разговора.

— До фигуры был звук?.. Какой?.. Нет, не как в газете. Сколько раз?.. Между ними одинаково?.. Кто вам это сказал?

Юсуф посмотрел на Дева.

— Повторите имя человека, который вам рассказал.

В трубке затрещало. Юсуф прижал ладонь к уху.

— Алло? Вы звоните откуда?

Линия оборвалась.

— Что там?

— Женщина в другом районе. Якобы человек стоял возле окна. Перед этим — три удара с одинаковыми паузами.

— Саму женщину слышали?

— Нет. Звонил родственник из лавки с телефоном. Или сосед. Я не разобрал.

— Имя из газеты употребил?

— Да.

Имя, блестящая кожа и ночная фигура могли прийти из газетных пересказов. А вот точный счёт ударов — нет: в статье его не было.

— Сариту он знает?

— Не успел спросить.

— перезвоните в лавку.

Номер не определялся автоматически. Дежурный помнил только район и обрывок названия. Юсуф начал звонить через местный пост, но там линия была занята.

Питчен положил подписанную сводку на край стола.

— Она ещё не ушла, — сказал он, угадав мысль Дева.

Подробность могла дойти от Сариты через соседей или попасть к кому-то из первичного рапорта. А могла и повториться сама. Дев перечитал ещё не отправленную сводку.

— Сохраните карточку отдельно, — сказал он. — И список всех, кто видел приложение до копирования.

Юсуф нарисовал внизу три короткие черты. Между ними оставил одинаковое расстояние.

В графе «откуда известно» поставил прочерк, затем стёр его.

Оставил пустое место.

Глава 4

Восток Маврикия, аварийный штаб СЕВ, 13 февраля 1994 года.

За пять дней до появления Touni Minuit на первой полосе старший инженер СЕВ Арун Персад распределял аварийные бригады на востоке. На него давили отовсюду, требуя подключить свет.

На стене аварийного штаба висела доска приоритетов. Картонные полоски меняли места быстрее, чем бригады успевали выезжать. Насосная станция. Клиника. Телефонный узел. Две деревни. Belle Rive. Холодильный склад. Будущая подъездная дорога, которой на карте ещё почти не было.

Арун снял полосу дороги и положил ниже насосной.

Телефон зазвонил через минуту.

— Да, я вижу распоряжение, — сказал он. — Нет, столб от распоряжения не поднимется. Да. Перезвоните, когда найдёте второй грузовик.

Он вернул трубку на рычаг и не поднял полосу обратно.

Михаил Орлов стоял у окна с представителем французского поставщика. Русский инженер по релейной защите приехал на остров в конце прошлого года по контракту этого поставщика и в штат СЕВ не входил.

Оба говорили о защите нового оборудования; француз хотел письменного подтверждения, что ускоренный ввод не станет ответственностью его компании. Михаил отвечал свободно, слишком правильно произнося каждое окончание.

— Nous ne mettrons pas la charue avant les bœufs, — сказал он.

Француз на секунду улыбнулся.

— Эту фразу любит мой дед.

— Умный человек.

Михаил, похоже, принял это за похвалу. Арун отвернулся, чтобы не выдать улыбку.

Михаил узнавал неисправность по положению маленького указателя, пока остальные ещё читали маркировку. Арун охотно пользовался его помощью. Но когда спрашивали, кого послать к аппарату ночью или чем заменить застрявший грузовик, консультант поворачивался к нему.

Они пошли к распределительному пункту. После дождя земля вокруг металлических шкафов пружинила под ботинками. От нагретой изоляции и мокрой одежды пахло так, будто кто-то пытался высушить бельё над мотором.

Пожилой монтёр уже снял внешнюю грязь с механизма. Арун спросил на креольском:

— В каком положении вы увидели ручной привод утром?

Монтёр повернулся к Михаилу.

— Открыт, миссье инженер. Но пломба уже была повреждена.

Михаил сразу наклонился к аппарату.

— Полностью открыт или между положениями?

— Полностью.

— Кто подходил до вас?

— Я не видел.

Арун стоял рядом с журналом в руках. Монтёр ответил Михаилу, хотя первый вопрос задал Арун. Никого в бригаде это, похоже, не удивило.

— Запишем ещё раз, — сказал Арун. — Вы прибыли первым?

Монтёр снова посмотрел на Михаила, но тот теперь изучал метку на корпусе.

— Первым из нашей бригады, — ответил монтёр Аруну. — До нас могли быть люди подрядчика.

— Могли или были?

— Фургон стоял у дороги. Кто выходил, не видел.

В журнал Арун внёс только то, что монтёр действительно наблюдал: фургон у дороги и невозможность сказать, кто из него выходил.

Французский представитель спросил Михаила, можно ли считать аппарат исправным. Михаил объяснил положение защёлки. Арун добавил, какие линии пока нельзя включать и где стоят люди.

— Значит, решение за вами двоими? — спросил француз.

— Решение за мной, — сказал Арун. — Господин Орлов консультирует по оборудованию.

Фраза прозвучала жёстче, чем он хотел. Михаил поднял голову.

— Разумеется.

Он произнёс это без обиды, но через минуту снова ответил на вопрос, адресованный Аруну.

На внутренней панели седьмой линии метка не совпадала с записью предыдущей смены. Несоответствие могло означать спешку, ошибку карандаша или ручное действие. После циклона каждая из этих причин встречалась чаще, чем следовало.

— F7 пока не включаем, — сказал Арун.

Начальник бригады показал на список домов и насосов за линией.

— Люди ждут третью ночь.

— Поэтому не будем отправлять туда человека дважды.

Михаил провёл пальцем вдоль механизма.

— Сначала проверим последовательность. Быстро.

Арун посмотрел на часы.

Они перешли к следующему шкафу. Арун задавал вопросы, монтёр отвечал. Во второй раз он посмотрел сперва на Михаила, затем вспомнил и повернулся к Аруну.

Арун дождался ответа и сам внёс его в журнал.

Мари-Анж Батист услышала машину раньше, чем увидела пострадавшего. За годы работы медсестрой — сначала на домашних визитах, потом в этой частной клинике — она научилась различать спешку и панику по тому, как тормозили у входа.

Пикап остановился у входа в клинику слишком резко. Из кузова прыгнул мужчина в рабочей форме и закричал, что был ожог, ток, возможно сердце. Три разных диагноза за одно дыхание.

— Сначала положите его ровно, — сказала Мари-Анж. — Потом расскажете по одному.

Молодой монтёр был в сознании, но отвечал с задержкой. На рукаве темнело подпалённое место, ладонь свело вокруг перчатки. Мари-Анж проверила дыхание, пульс, реакцию глаз и попросила не снимать ткань там, где она пристала к коже.

— Меня только толкнуло, — сказал он.

— Хорошо. Лежите так, будто толкнуло сильнее.

Клер Моро, французский врач, почти три года работавшая на острове, вышла из процедурной, уже надевая перчатки. Она спросила по-французски, сколько времени человек находился под напряжением.

Рабочие заговорили одновременно. Один видел вспышку. Другой слышал, как упал инструмент. Никто не мог сказать, касался ли пострадавший металла после отключения.

— Кто снял питание? — спросила Мари-Анж на креольском.

— Персад.

— До того, как вы его оттащили, или после?

На ответ ушло больше времени, чем на первый рассказ.

Через несколько минут приехали Арун и русский консультант. Михаил принёс рабочую перчатку пострадавшего и остановился с ней у кушетки.

Клер попросила повторить последовательность. Михаил отвечал на французском. Его язык был хорошим и чуть старомодным; каждое техническое слово он произносил так отчётливо, что Мари-Анж слышала запятые.

— Мы не продолжим, пока оборудование не проверят, — сказала Клер.

— Линия уже отключена.

— Я говорю о работе всей бригады на этом участке.

— За этой линией насосы, связь и дома. Отсутствие света тоже убивает.

Мари-Анж затянула повязку и посмотрела на Михаила. Он говорил, глядя на Клер; мон-тёр на кушетке повернул к нему голову.

— Решение о линии принимаю я, — сказал Арун. — До повторной проверки она останется отключённой. Остальных людей переведу на другой участок.

Михаил хотел возразить, но посмотрел на перчатку и промолчал.

Клер объяснила пострадавшему, что ему нельзя возвращаться к работе и что нужно наблюдение. Он внимательно кивал.

— Вы меня поняли? — спросила она.

— Да, доктор.

Когда Клер отошла к столу, он тихо позвал Мари-Анж.

— Сколько часов?

— Не часов. Сегодня не вернётесь.

— Но она сказала про наблюдение.

— Здесь. В клинике.

Он посмотрел на рабочих у двери, будто те могли решить иначе.

— А завтра?

— Завтра врач скажет завтра.

Мари-Анж повторила инструкции на креольском и попросила его пересказать. Только тогда стало ясно, что он понял половину французского и почти всё остальное заполнил вежливым согласием.

Клер услышала последние слова.

— Он сказал, что понял.

— Он понял, что вы врач, — ответила Мари-Анж. — А что вы ему сказали — только наполовину.

Клер вернулась к кушетке и задала вопросы проще. Михаил отступил, освобождая ей место.

В приёмной работал телевизор. Звук убрали, чтобы не мешал, и на маленьком экране лыжник летел по белому склону. Ребёнок с перевязанной рукой спросил мать:

— Если снег — вода, почему он после падения не весь мокрый?

Мать сказала, что там холодно. Ребёнок спросил, насколько. Она показала руками расстояние, как будто мороз измерялся длиной.

На экране сменился сюжет. Показали космический корабль и улыбающегося человека в форме. Михаил подошёл ближе.

— Русский? — спросила Мари-Анж.

— Крикалёв. Летал с американцами.

Произнеся фамилию, Михаил остался у телевизора ещё на несколько секунд.

Следом появилась спортивная таблица. Михаил прочёл её раньше остальных и тихо выругался.

— Плохая новость? — спросила Клер.

— Хоккей.

— Значит, не самая плохая.

— Поэтому и обидно.

Первый раз за всё время он улыбнулся. Клер тоже.

Пострадавший попытался приподняться.

— Лежите, — сказала Мари-Анж.

— Мне надо сказать бригаде, где инструмент.

— Они найдут инструмент.

— Не тот.

Он объяснил, какой именно и где оставил. Михаил записал. Затем остался у двери, пока дыхание рабочего не выровнялось и тот не смог повторить медицинские инструкции без помощи.

Арун уже распределял людей по другим линиям. Клер заполняла карту. Мари-Анж убирала использованные материалы.

На экране лыжник, упавший минуту назад, снова стоял на ногах.

На кушетке монтёр спросил:

— А если утром будет нормально, я смогу работать?

— Утром спросите ещё раз, — сказала Мари-Анж. — И выслушаете ответ до конца.

После клиники Михаил вернулся к F7, надеясь всё-таки найти неисправность.

Михаилу хотелось обнаружить сломанную деталь и записать её номер. Тогда можно было бы запросить замену и вернуться к работе.

Арун ждал у открытого шкафа. Старую пломбу положил в бумажный конверт, на котором написал время и фамилии присутствующих.

— Ещё раз с начала, — сказал он.

Михаил проверил механический указатель, ручной привод и признаки работы защиты. Грязь сняли. Положение не изменилось.

Аппарат выглядел так, будто его открыли рукой.

— Автоматика могла не оставить полный след, — сказал начальник подрядчика.

— Могла, — ответил Михаил.

— Значит, ложное срабатывание.

— Я сказал могла.

Начальник показал на список объектов. За F7 оставались насос, несколько жилых ответвлений и линия, отмеченная как временно приоритетная. Оттуда уже звонили, требуя ускорить подключение.

Арун перечислил невиновные объяснения повреждённой пломбы. Другая бригада. Устная команда, не попавшая в журнал. Удар сорванным листом железа. Ошибка при первом осмотре.

— Кто-нибудь подтвердил команду? — спросил Михаил.

— Нет.

— Кто-нибудь признал ручное открытие?

— Нет.

— Тогда точная запись: ручное положение без установленной команды. Причина не определена.

Начальник подрядчика посмотрел на него.

— После такой фразы вы остановите весь участок.

— Не я.

— Но подпись будет ваша.

Михаил знал, что произойдёт дальше. Поставщик потребует официальной проверки. Подрядчик снимет людей. Районы останутся в очереди. Через день кто-нибудь установит, что пломбу повредили в хаосе, и все будут помнить только задержку.

Или не установит.

Он взял форму. Бумага была влажной, чернила расплывались на волокнах.

В графе причины уже стоял знак вопроса. Михаил написал рядом:

Вероятное ложное срабатывание.

Слово вероятное оставляло ему отступление, а вся строка позволяла бригаде двигаться дальше.

Арун прочёл запись.

— Это наиболее вероятно?

— Это возможно.

— Я спросил другое.

Михаил посмотрел на аппарат. Механика подтверждала его формулировку ничуть не лучше, чем версию ручного открытия. Просто техническая причина позволяла пока считать событие закрытым.

— Я не могу оценить вероятность без полного журнала.

Арун поставил рядом крупный вопросительный знак. Ниже записал отдельно: положение ручного привода, отсутствие подтверждённой команды, повреждение пломбы.

— Повторный осмотр до включения, — сказал он.

Начальник подрядчика вздохнул.

Михаил решил вернуться к записи, когда найдётся полный журнал. Только следующая смена прочтёт её раньше. Он посмотрел на слово «вероятное» и оставил как было.

Аппарат вернули в согласованное положение. Арун поставил новую контрольную отметку и ограничил доступ. Каждое следующее действие должны были записывать сразу.

Форма легла на стол. Рядом с аккуратной строкой Михаила крупный вопросительный знак Аруна не давал считать запись закрытой.

Восток Маврикия, ночь на 14 февраля 1994 года.

Телефон разбудил Михаила в половине первого.

Он спал в брюках и сначала решил, что звонок ему снится. Потом услышал название линии.

— F7 открыт, — сказал дежурный. — Команду не нашли.

Через десять минут Михаил уже ехал обратно. Вдоль дороги отдельные дома светились среди тёмных кварталов. За поворотом лампы исчезли; осталось одно окно с питанием от частного генератора.

Арун приехал раньше него.

Новая контрольная отметка была сорвана. Ручной привод стоял в том же положении, что днём. Признака автоматического открытия снова не было.

— Кто подходил? — спросил Арун.

Ночная бригада выстроила цепочку. Один работник слышал разговор о переключении соседней линии. Другой решил, что распоряжение мог получить подрядчик. Диспетчер передавал команду на F6, а не на F7. Явной лжи Михаил не слышал. Каждый оставлял место, где действие мог совершить кто-то другой.

В журнал внесли время: «после полуночи».

Михаил прочёл слова и сразу посмотрел дальше.

Дежурный нашёл дневную форму.

— Здесь же написано: ложное срабатывание.

Слово вероятное он пропустил.

— Написано иначе, — сказал Арун.

Дежурный поднёс лист к лампе.

— Всё равно, значит, аппарат уже делал такое сам.

Михаил мог объяснить разницу. Мог рассказать о неполном журнале, о редком отказе, о том, что вероятность не равна причине. Днём он именно для этого оставил себе маленькое слово.

— Оставляем открытым, — распорядился Арун. — Ставим человека до утра. Все команды только через диспетчера и с повтором номера линии.

Никто не спорил.

Под переносной лампой дневная запись выглядела аккуратнее свежего разрыва на пломбе.

— Ложное срабатывание, — повторил кто-то уже у двери.

Михаил промолчал.

Глава 5

Старая дорога к Belle Rive, ночь 15 февраля 1994 года.

Дитер Хан увидел человека, которого через три дня газета назовёт Toupi.

Пятидесятивосьмилетний немецкий орнитолог много лет приезжал на Маврикий один и записывал время, направление и погоду раньше впечатлений. Этой ночью полевой журнал не успевал за глазами.

Тогда имени ещё не было. Был рассказ водителя о голом воре, произнесённый с улыбкой, и старая дорога, по которой Дитер возвращался к Belle Rive после проверки места наблюдений.

После циклона дорогу трудно было узнать. Ветки лежали на обочине, канава разлилась, ограждение фермы провисло к земле. Дитер ехал медленно, отмечая повреждения с той же тщательностью, с какой следил за птицами.

Очки держались на одном заушнике. Второй он закрепил тонкой проволокой, но линза сидела чуть выше другой. Без них Дитер различал ночью только свет и движение; с ними — свет, движение и уверенность, что различает больше.

Дворники оставляли посередине стекла чистую дугу, а справа тянули воду тонкой полосой.

Фигура появилась у дальнего края фар.

Сначала Дитер увидел плечо. Потом спину, две ноги и руку, которой человек прикрывал бок. Он бежал босиком, почти беззвучно, кожа блестела. Одежды Дитер не различил.

Человек пересёк дорогу и ушёл вниз, туда, где канава и кусты сливались в одну тёмную полосу.

Дитер нажал на тормоз.

Дворник прошёл по стеклу. На секунду вода закрыла правую часть обзора.

Из кустов вышла большая чёрная собака.

Она появилась не там, где исчезло плечо, а на несколько метров дальше. Но машина ещё двигалась, фары меняли угол, и расстояние сложилось внутри одного короткого движения. Собака остановилась на дороге, повернула голову к свету и побежала вдоль обочины.

Человека больше не было.

Дитер выключил мотор. Дождь постукивал по крыше. Он поправил очки, протёр стекло ладонью изнутри и вышел с фонарём.

На дороге не осталось никого. В канаве двигалась вода. За повреждённой оградой лаяли другие собаки.

Он прошёл до места, где видел фигуру. Мягкая земля сохраняла слишком много следов: ботинки, лапы, шины, вода. Луч фонаря выхватывал их по одному и не показывал связи.

Дитер вернулся в машину и открыл полевой журнал.

Погода. Направление. Скорость машины. Время по наручным часам. Он записал человека, затем собаку. Между двумя существительными поставил черту. Подумал и заменил её стрелкой.

Стрелка точнее передавала его память о нескольких секундах: одна фигура исчезла из света, другая будто продолжила начатое движение.

Камера лежала в чехле на заднем сиденье. Дитер не стал снимать пустую дорогу.

Перед тем как тронуться, он ещё раз посмотрел в зеркало. За машиной не было ни человека, ни собаки.

Дитер включил передачу и медленно выехал на дорогу.

Belle Rive, утро 19 февраля 1994 года.

Гостиничный менеджер попросил Дева не называть имя свидетеля.

— Господин Хан приезжает много лет. Он серьёзный орнитолог. Если зарубежные агентства напишут, что наш гость видел чудовище...

— Я приехал не к агентствам.

— Именно поэтому мы позвонили вам.

Дев не уточнил, что к Сарите полиция приехала не так быстро и не по просьбе отеля.

Дитер ждал в пустом углу бара. Перед ним лежали журнал, карта и очки с проволокой на заушнике. Газету он сложил заголовком внутрь.

— Я не видел чудовища, — сказал он. — Я видел изменение.

— Опишите последний момент, когда вы видели человека.

Дитер нахмурился.

— Он пересёк дорогу.

— Потом?

— Исчез за кустами.

— В этот момент вы ещё видели его тело?

— Нет.

— Первый момент, когда увидели собаку?

Дитер показал на карте точку дальше по дороге.

— Здесь.

Юсуф положил рядом чистый лист и нарисовал две отметки.

— Между ними вы видели что-нибудь?

— Воду на стекле. Кусты. Я тормозил.

Менеджер попытался вмешаться:

— Но интервал был секунды.

— Тем более стоит его измерить, — сказал Дев.

Они осмотрели машину. Правый дворник действительно оставлял широкую полосу. С водительского места канава исчезала за кустами, а повреждённая фермерская ограда была видна только после того, как автомобиль проходил несколько метров.

Дитер снял очки и прищурился, хотя Дев стоял на расстоянии вытянутой руки.

— Силуэт человека я различал, — сказал он. — Лица нет. Но две ноги — да.

— Я не сомневаюсь, что вы видели человека.

Это удивило его сильнее любого возражения.

— И собаку?

— И собаку.

На старую дорогу они приехали ближе к полудню. Солнце делало ночную сцену неприлично простой. Между местом, где Дитер видел человека, и местом появления собаки было несколько метров твёрдого покрытия, канава и разрыв в ограждении.

Юсуф спустился к воде. В мягкой земле сохранились фрагменты босых следов: пятка, соскользнувшая ступня, пальцы на подъёме. Они уходили вдоль канавы, а не к ферме.

У провисшей сетки лежала шерсть. Собачьи отпечатки начинались внутри ограждения и выходили к дороге с другой стороны кустов.

— Они могли встретиться здесь, — сказал Дитер.

— Могли, — ответил Дев. — Но следы не требуют этого.

Юсуф поставил машину примерно там, где она была ночью. Дитер сел за руль. Дев прошёл человеческим маршрутом; Юсуф вышел через ограду. Из машины одного не было видно, когда появлялся другой.

Повтор занял меньше минуты.

Дитер долго смотрел на пустой участок между ними.

— Я запомнил это как одно движение.

— Так и запишите. Только без одного тела.

Он открыл журнал. Стрелку между словами не стёр, а подписал рядом: «человек исчез из поля зрения; затем появилась собака».

— Это точнее, — сказал Дитер.

По его голосу нельзя было понять, стало ли ему спокойнее.

Менеджер спросил, можно ли теперь официально опровергнуть историю.

— Можно сказать, что мы нашли два разных маршрута, — ответил Дев.

— Люди этого не запомнят.

— Повторите, когда спросят ещё раз.

Юсуф уже шёл вдоль канавы. Человеческие следы сохранились дальше — неясные, перебитые водой, но направленные от дороги к пустующей хозяйственной постройке.

— Собака вернулась на ферму, — сказал он. — Человек пошёл туда.

Дев посмотрел на постройку.

Он пошёл следом за Юсуфом.

Фермер нашёл собаку раньше, чем полиция дошла до постройки.

Собака сидела под телегой, мокрая и голодная. На повреждённой сетке осталась её шерсть. Фермер показал место, где ветер вырвал нижнее крепление.

— Она всегда выходит к дороге, если может, — сказал он. — Там люди бросают еду.

Человеческий путь шёл дальше по канаве. Вода стёрла большую часть следов, но у подъёма к хозяйственной постройке сохранилась босая пятка и длинная полоса скольжения.

Дверь держалась на одном шарнире. Внутри пахло стоячей водой, кокосовым маслом и мокрой тканью.

Старый матрас, две пустые бутылки, несколько банок, рубашка, которую пытались сушить на проволоке. Здесь кто-то ночевал.

Юсуф нашёл под листом жести жестяную коробку.

В ней лежали зажигалка, две дешёвые заколки, карманное радио без крышки и браслет с погнутой застёжкой.

Дев не тронул вещи руками. Записал положение, попросил Юсуфа сделать снимок и только потом переложил браслет в пакет.

Описание Сариты было коротким: светлый металл, плоские звенья, одна застёжка держится хуже другой. Найденный браслет совпадал во всём, вплоть до застёжки. Только лежал он далеко от дома Сариты.

— Значит, это он, — сказал фермер у двери.

— Кто?

— Человек, которого видел немец.

— Возможно.

— А кто ещё принёс бы сюда краденое?

Дев посмотрел на следы нескольких обувных подошв у входа. После циклона постройкой пользовались не один раз. Браслет связывал место с домом Сариты; путь связывал место с дорогой. Имени у связи пока не было.

В коробке нашли ещё две вещи из недавних заявлений. Всех краж они не объясняли, но постройка уже не казалась случайным убежищем.

Юсуф отметил ближайшие пешие тропы, автобусную остановку и людей, которые могли знать склад. Список получился длиннее, чем хотелось.

— Газете скажем про собаку? — спросил он.

— Скажем, если спросят.

— Про браслет?

— После опознания.

Сарита узнала вещь вечером. Сразу показала на застёжку.

— Я сама её погнула. Она открывается, если нажать здесь.

Дев нажал через пластик. Застёжка поддалась.

— Это мой, — сказала Сарита. — Теперь найдите того, кто решил, что может взять.
Браслет убрали в маленький полицейский пакет.

Глава 6

Belle Rive, восточное побережье, утро 20 февраля 1994 года.

В Belle Rive свет возвращался по расписанию, которого гостям не показывали.

Мирей Жозеф, руководительница гостиничной прачечной, знала его по звуку генератора. За годы работы в Belle Rive она научилась слышать в этом гуле порядок следующей смены. Перед включением генератор опускал голос, будто собирался заглохнуть, потом набирал ровный тяжёлый гул. На втором этаже оживали коридорные бра. В прачечной начинала работать одна машина из трёх. На кухне повар кричал, какие холодильники включать первыми.

Через двадцать минут часть нагрузки снова снимали.

Мирей подстраивала под каждый отрезок работу: что успеют отнести наверх, пока есть свет, что придётся делать у окна.

Утром европейский мужчина остановил двух горничных и спросил, почему у картин есть свет, а в ванной нет горячей воды. Женщины поняли половину английского и кивнули. Он принял это за безразличие.

— Лампа берёт меньше, чем насос, — объяснила Мирей.

— Тогда выключите лампы.

— Я просила.

— И что?

— Менеджер считает тёмный коридор опасным.

— А холодная вода?

— Неприятна.

Мужчина разницы не услышал. Мирей пошла дальше: спорить можно было сколько угодно, насос от этого не включался.

У служебного входа ждали хлеб, лёд и расписание автобусов. Один сотрудник взял два длинных багета и попросил третий.

— Вчера тебе хватило двух.

— Вчера дома было пять человек. Сегодня девять.

— Откуда ещё четыре?

— У них крыша ушла.

Мирей дала третий. Возле имени поставила короткую черту: завтра он получит меньше, если родственники смогут вернуться.

В металлическом ведре таял лёд. Кухня отдала еду, которую не могла безопасно оставить до ночи. Мирей распределяла контейнеры по длине дороги и числу людей дома. Один работник отказался от своей порции в пользу соседей; она молча переставила коробку.

Женщина из прачечной просила отпустить её до двух: поздний автобус был последним на её маршруте и после циклона высаживал людей в пяти километрах от дома. Мирей поменяла смены и получила дыру вечером.

— Кто закроет?

— Я вернусь.

— После какого автобуса?

Женщина не ответила. Мирей записала собственную фамилию.

В ресторане тот же хлеб подавали нарезанным на одинаковые ломтики. Гости обсуждали, стоит ли отелю экономить масло. За дверью служебного коридора человек прижимал к груди три целых багета, чтобы не сломать их в автобусе.

На стойке лежали два списка телефонных вызовов: гости и сотрудники. Швейцарский финансист Томас Келлер из номера 312 стоял третьим в первом и всё равно позвонил раньше.

— Освободилась линия для встречи о восстановлении, — сказал администратор.

— Линии не знают, о чём встреча.

— Распорядился менеджер.

Мирей не спорила. Записала время. Потом поставила звонок сотрудницы семье в деревне первым во втором списке: к семи уже темнело, сосед с работающим телефоном запирает лавку, и связь исчезала до утра.

Жена Томаса, Люси Келлер, подошла к стойке с гостевым номерком.

— Муж был третьим.

— Среди гостей.

— Почему списки разные?

— Если сделать один, гости спрашивают, почему персонал звонит раньше. Персонал спрашивает, почему гости говорят дольше.

Женщина внимательно прочитала оба листа.

— А кто решает?

— Я записываю, кто будет злиться. Решают выше.

Люси ещё раз посмотрела на оба списка и отошла от стойки, ничего не попросив для мужа.

В холле без звука шла Олимпиада. Люди в тяжёлых куртках падали в снег и снова вставали. Двое гостей требовали записать вечерний спорт на VHS; сотрудник объяснял, что кассеты нужны ещё для новостей и правительственных сообщений.

— Сотрите вчерашнее, — сказал один.

— Для вас оно вчерашнее, — ответил сотрудник. — Некоторые ещё не видели.

Мирей оставила решение администратору. Ей нужно было внести в журнал повреждённую дверь служебного общежития. Накануне жалобу горничной не записали, потому что на странице уже стояла жалоба европейского гостя на шум генератора.

— Откройте новую строку, — сказала Мирей.

— Это внутреннее.

— Дверь внутренняя. Ветер приходит снаружи.

Администратор записал.

Жена швейцарца помогла сотруднице поднять коробку с пустыми бутылками. Мирей сказала:

— Осторожно, там стекло.

— Поэтому держу снизу.

Они поставили коробку на тележку. Люси кивнула сотруднице и пошла дальше.

Её муж закончил звонок и сразу открыл деловую папку. На обложке Мирей успела увидеть название проекта у восточного побережья. Он заметил взгляд и повернул папку.

— Люси, идём, — сказал он жене.

Название Мирей почти сразу забыла. Зато запомнила, как Томас прижал документы к груди, поднимаясь по лестнице, хотя свободной рукой не поддержал жену.

Генератор снова изменил тон. Свет в холле погас, телевизор сжал белый склон до точки и исчез.

У служебной двери люди выходили с целыми багетами.

В ресторан уже несли следующую корзинку одинаковых ломтиков.

Перед ужином Томас Келлер пересчитал страницы трижды. Швейцарский фонд, который он представлял, обсуждал мостовое финансирование нового курорта; поездка считалась отпуском только для тех, кто не видел папку.

Люси сидела у окна номера 312 и делала вид, что читает. Когда-то она работала в банковском праве и узнала привычку: перед сложными переговорами муж сперва проверял комплект. Подписи. Нумерацию. Вложения. Возможность позже доказать, какой лист кому передали. Содержание он к этому времени обычно знал почти наизусть.

— Ты говорил, встреча неформальная.

— Неформальная встреча тоже может закончиться решением.

Он раскрыл приложение, дошёл до середины и остановился. Один подписанный лист вынул, сложил в отдельный конверт и убрал во внутреннее отделение портфеля.

— Почему разделяешь комплект?

— Не держу все гарантии в одном месте.

Ответ звучал разумно, но от кого он страховался?

Томас ушёл в ванную. Люси подошла к столу.

На верхнем листе оставались ссылки на государственную подъездную дорогу, приоритетное снабжение электричеством и сроки урегулирования земельных интересов. Формально это был всего лишь набор условий, без которых курорт не получал финансирования. Приказом или признанием документ не выглядел.

Она успела прочитать номер приложения и два абзаца. Томас вернулся раньше, чем должен был.

— Я просил не устраивать сегодня юридический семинар.

— Я прочла заголовки.

— Тогда ты знаешь меньше, чем думаешь.

— А ты рассказываешь меньше, чем знаешь.

Он закрыл папку.

Люси умела узнавать этот ответ. После него Томас обычно закрывал папку, а она находила другой вопрос. Сегодня он даже не поднял глаз.

На ужин они пришли вместе.

Землевладелец и инвестор Жерар де Вилье встретил их у отдельного стола. Рядом уже сидели министр Прем Будху и его советник Викаш Найкен. Все приехали порознь. За столом они скорее напоминали людей с пересекающимися интересами, чем заранее сговорившуюся компанию: де Вилье раздражался из-за сроков, Будху — из-за газет, Найкен почти не говорил и следил, кто отвечает вместо кого.

Сначала обсуждали настоящее восстановление: дороги, топливо, повреждённые линии, гостиничных работников, которые не могли добраться на смену. Затем те же слова начали означать будущий проект.

— Если подъезд не войдёт в текущую программу, мы потеряем сезон, — сказал де Вилье.

— Текущая программа для разрушенных дорог, — ответил Будху.

— Эта дорога даст работу району.

— Когда будет построена.

Томас раскрыл папку.

— Финансирование зависит не от политического обещания, а от подтверждённого доступа.

— Подтверждение можно оформить поэтапно, — сказал Найкен.

— Банк не кредитует этап намерения.

Люси слышала знакомый язык. Землю предстояло «урегулировать», для отеля — обеспечить «непрерывность экономически значимого потребителя». О том, у кого выкупят участки и кто получит свет позже, не говорили.

Де Вилье заметил её внимание.

— Госпожа Келлер тоже работает в финансах?

— Когда-то, — ответил Томас.

— В банковском праве, — уточнила Люси.

Найкен впервые посмотрел прямо на неё.

— Тогда вы понимаете, как документы иногда мешают людям действовать быстро после бедствия.

— Обычно они мешают потом утверждать, что никто не знал условий.

Томас положил ладонь на край папки.

— Люси.

Де Вилье улыбнулся так, будто она оживила ужин. Будху занялся бокалом. Найкен не улыбнулся.

Разговор перешёл к землевладельцам у Anse du Levant. Де Вилье называл их долей неподтверждённых участков. Будху — семьями, с которыми надо договориться. Найкен — задержкой, которую нельзя оставлять без управления.

— Как именно управлять? — спросила Люси.

Томас ответил раньше остальных:

— Юридически.

Возможно, он действительно намеревался ограничиться юридическими средствами. Но отдельный лист лежал в портфеле, а остальной комплект — перед людьми, которым он не доверял.

Официант подошёл сменить тарелки. Все замолчали. Когда он ушёл, де Вилье заговорил о погоде.

Томас попросил Люси заказать кофе в баре.

— Я могу заказать здесь.

— Нам нужно десять минут.

— Кому — вам?

— Проекту.

Она встала, ещё не решив, что делать с услышанным.

У выхода Люси оглянулась. Томас вынул приложение, но отдельный конверт оставался в портфеле. Де Вилье наклонился к страницам. Будху держался дальше. Взгляд Найкена всё время возвращался к месту, где должна была лежать следующая страница.

В номер Томас вернулся поздно. Снова пересчитал комплект и убрал его в сейф. Отдельный лист оставил в портфеле.

— Всё прошло хорошо? — спросила Люси.

— Никто ничего не подписал.

— Я спросила не это.

— Тогда спроси точнее.

Она могла назвать дорогу, электричество, землю и отсутствие страницы. Вместо этого сказала:

— Завтра мы уезжаем?

— Пока нет.

Томас лёг и выключил лампу.

Люси лежала с открытыми глазами. Она видела, как он вынул страницу, ещё до ужина.

Belle Rive, ночь на 21 февраля 1994 года.

Первый удар по стеклу Люси приняла за ветку.

Потом вспомнила, что балкон был на третьем этаже и ближайшие деревья заканчивались ниже.

Пауза.

Второй удар.

Такая же пауза.

Третий.

Томас лежал спиной к окну.

— Ты слышал?

— Что?

— Кто-то стучит.

— На балконе?

Он не спал; в голосе слышалось только недоверие.

Номер отражался в стекле ярче ночи. Люси видела собственную рубашку, край кровати, закрытый сейф. За ними существовала только чёрная поверхность.

Она подошла ближе и выключила лампу у кресла.

Отражение исчезло.

На балконе стоял мужчина.

Сначала Люси увидела руку у стекла. Потом плечи, блестящие от дождя или масла, и тёмную ткань, закрывавшую нижнюю часть лица. Он находился в двух шагах от неё — снаружи двери, которую заперли изнутри.

Люси отступила.

Мужчина не бил стекло и не пытался открыть замок. Показал на ручку. Коротко, нетерпеливо. Он ждал, что его впустят.

— Томас.

Муж уже стоял. Его взгляд первым делом метнулся к сейфу.

— Не включай свет, — сказал Томас.

— Почему?

— Просто не включай.

Мужчина повторил жест. Над тканью были видны глаза — трезвые, сосредоточенные.

Люси протянула руку к выключателю.

— Не надо, — сказал Томас.

Она включила.

Свет вспыхнул, просел вместе с генератором и выровнялся. Мужчина закрыл лицо, отступил к краю балкона и поднял руки выше. На мгновение Люси увидела пальцы на верхнем карнизе.

Он ушёл вверх.

Поднялся за верхнюю раму, туда, где по видимому фасаду не было пути.

Люси подбежала к стеклу.

Балкон был пуст. Перила мокрые. За ними — три этажа воздуха и тёмный сад.

Томас схватил её за плечо и оттащил.

— Не открывай.

— Я не собиралась.

Он проверил замок. Потом сейф. Документы лежали внутри. Томас пересчитал их быстрее, чем Люси успела спросить.

— Всё на месте, — сказал он.

Она знала, что один лист отсутствовал ещё с вечера.

— Кто это был?

— Сотрудник. Розыгрыш. Кто-нибудь услышал эту газетную чушь.

— Сотрудники ходят по фасаду третьего этажа?

— Значит, с крыши.

Ответ пришёл слишком быстро.

Люси взяла телефонную трубку.

— Не звони.

— В полицию?

— Сначала администрации. Нам не нужен скандал.

— Человек стоял на нашем балконе.

— И ничего не сделал.

— Он ждал, что мы откроем.

— Не мы.

Томас замолчал.

— Кто? — спросила Люси.

— Я имел в виду, что он мог ошибиться номером.

Она нажала кнопку стойки. Линия не сразу дала сигнал.

— Люси, послушай. Если сюда приедет полиция, они начнут задавать вопросы о встрече. О документах. Это местная история, и лучше дать отелю разобраться.

— Ты боишься не того человека.

— Я боюсь последствий.

— Каких именно?

Он не ответил.

На стойке наконец подняли трубку. Люси назвала номер и попросила вызвать полицию.

Томас продолжал объяснять, почему этого не следовало делать, когда звонок уже приняли.

За стеклом дождь стекал по следам пальцев. Люси не знала, принадлежали ли они ночному человеку или кому-то, кто мыл окно днём.

Три удара больше не повторились. Лицо мужчины уже расплывалось в памяти, а равные паузы между ударами Люси могла воспроизвести без ошибки.

Пока отель решал, можно ли впустить полицию в номер, Дев и Юсуф ждали в баре.

На телевизоре без звука повторяли Олимпиаду. Сотрудник вынул спортивную кассету из видеомэгнитофона, подписал её карандашом и поставил на полку. Другую кассету вставил в магнитофон за стойкой.

Музыка началась несколькими спокойными тактами до голоса.

Дев перестал писать.

Ручка остановилась на середине строки. Он посмотрел на магнитофон так, как смотрел на предмет, оказавшийся не в том месте.

— Сделайте тише, — сказал он.

Сотрудник убавил звук.

— Мешает? — спросил Юсуф.

— Опросу.

Они пока никого не опрашивали.

Юсуф ничего не сказал. Дев снова провёл ручкой по строке, но несколько секунд не оставлял следа.

Менеджер принёс первые записи охраны. В журнале стояло, что выход на крышу закрыт с вечера. На отдельном листе перечислялись люди, поднимавшиеся туда после циклона: антенна, сорванный лист кровли, вентиляция, бак с водой. Времена совпадали не все.

— Кто проверял замок сегодня? — спросил Дев.

— Охрана.

— Имя?

Менеджер назвал сотрудника.

— Он здесь?

— Ищут.

— Значит, пока у нас есть только запись о проверке. Самого проверявшего ещё нет.

Менеджер не оценил формулировку.

В номер их допустили через двадцать минут. Люси Келлер рассказала о звуке, фигуре, жесте и движении вверх. Дев возвращал её к порядку каждый раз, когда Томас пытался назвать происходящее розыгрышем.

— Что было первым?

— Удар.

— Сколько?

— Три.

— Паузы?

Люси показала рукой. Одинаковые.

Юсуф вспомнил карточку в кармане. Точный ритм не печатали. Откуда его знала иностранная туристка?

— Вы читали первичный полицейский рапорт? — спросил он.

— Я читала газету.

— Там не было числа.

Томас вмешался:

— Половина острова уже повторяет эту историю.

— Поэтому я спрашиваю, откуда вы знаете конкретную деталь.

— Она её слышала.

— Это один возможный источник.

Дев посмотрел на Юсуфа и едва заметно кивнул: записать отдельно.

Балконная дверь была заперта изнутри. На наружной стороне стекла оставались смазанные следы, непригодные для опознания. Перила мокрые, на верхнем краю — свежая царапина среди старых.

— Что пропало? — спросил Дев.

— Ничего, — быстро сказал Томас.

Люси повторила:

— Из того, что я видела, ничего.

Юсуф отметил разницу. Дев тоже, но пока не спросил.

На крыше замок оказался цел. Ключ подходил плохо, дверь можно было не дожать до конца. Журнал утверждал большую определённую, чем петли.

С ними поднялись менеджер, охранник и Мирей Жозеф. Последнюю позвали потому, что она знала, какие служебные двери после циклона перестали закрываться и кто действительно ходил наверх.

— Я не веду журнал охраны, — сразу сказала Мирей.

— Их журнал пока отложим, — ответил Юсуф. — Покажите нам само здание.

Она показала проход к вентиляционному коробу, старую лестницу и участок, где после ремонта перегородили коридор. Официальный план, разложенный менеджером на ящике, не совпадал с дверями вокруг них.

— Здесь стена, — сказал Дев, проводя пальцем по бумаге.

— На бумаге, — ответила Мирей.

За бывшей стеной начинался узкий служебный переход. Он выводил к технической галерее, но не давал прямого пути на балкон 312. Дальше мешали закрытая решётка и участок фасада, который с крыши не просматривался.

— Человек мог уйти сюда? — спросил Юсуф.

— Мог подняться на крышу, — сказала Мирей. — Как попал к конкретному окну, не знаю.

Охранник уверял, что посторонний не прошёл бы служебными зонами незамеченным. Мирей спросила, заметил ли он двух работников, ночевавших в прачечной из-за отсутствия автобуса. Охранник не знал, что они там.

— Запишем, что вы не заметили посторонних, — сказал Дев. — Про невозможность пока рано.

Юсуф проверил крепления, прикинул расстояния между дверями. Полного маршрута это не дало.

Они вернулись в бар под утро. Музыкальная кассета уже закончилась. Дев не посмотрел на магнитофон.

Юсуф заполнил две строки: доступ на крышу возможен; путь к балкону не установлен.
Менеджер прочёл через плечо.

— То есть вы ничего не нашли.

— Нашли возможный доступ на крышу. До балкона маршрут пока не восстановили, —
сказал Юсуф.

Дев коротко кивнул.

Мирей сложила старый план.

— Планы старше половины коридоров, — сказала она.

Часть II — ENN LAVWA

Глава 7

Порт-Луи, перед рассветом 21 февраля 1994 года.

Когда Юсуф вернулся из Belle Rive, на доске уже стояло число семнадцать.

Дежурный вывел его белым мелом так крупно, что последняя семёрка загнулась у края. Под числом кто-то успел написать: нападения Toupi.

Юсуф снял влажный китель и повесил его на спинку стула. От ткани пахло дождём, гостиничным генератором и старым дымом. Края бумаг на столе шевелились под вентилятором.

— Семнадцать нападений? — спросил он.

— Семнадцать сообщений, — ответил дежурный. — Пока.

Юсуф стёр с доски одно слово. Число оставил.

На столе лежали листы трёх размеров, заполненные четырьмя почерками. Одно сообщение приняли по городской линии. Другое передал соседний участок. Третье принёс мужчина, услышавший историю от сестры водителя. В каждом упоминалось ночное существо, но только в двух был человек, утверждавший, что видел его сам.

Юсуф взял стопку чистых карточек. Провёл пять вертикальных линий: время приёма, заявленное место, способ передачи, возможность повторного разговора, источник знакомства с историей.

Там, где в записи не было ответа, он оставлял пустое место.

— Этот звонил сам, — сказал один из дежурных, заглядывая через плечо.

— Сам видел?

— Сам звонил.

— Я спрашиваю другое.

Дежурный потёр красные глаза.

— Он сказал, что женщина кричала.

— Он слышал её рядом или в трубке?

— Не помню.

Юсуф удержался от прочерка. Пустая графа раздражала: строка оставалась незаконченной.

Три верхних сообщения казались одинаковыми, пока он не разложил путь каждого: прямой звонок, пересказ соседнего участка, человек у двери, говоривший со слов родственницы. Все три могли восходить к одному рассказу.

У телефона дежурный уже отвечал следующему участку:

— Да, у нас семнадцать случаев.

Юсуф протянул руку. Дежурный прикрыл трубку ладонью.

— Что?

— Сообщений.

— Им всё равно нужна цифра.

— Тогда дайте точную.

Дежурный исправился. На другом конце переспросили, отправлять ли патруль по каждому адресу. Юсуф услышал раздражённый ответ. По семнадцати адресам уже могли постучать до проверки.

Он подписал верх карточки: сообщение не равно происшествию. Потом зачеркнул. Эта фраза звучала как инструкция человеку, который и без неё должен был думать. Вместо неё добавил графу: что наблюдал лично.

Юсуф помечал карточки карандашами. Синяя точка означала, что источник назван. Красная черта — что с человеком можно поговорить снова. Обычный графит оставлял там, где происхождение рассказа не установлено.

У шестой карточки дежурный возразил:

— Я записал именно так.

Он ткнул пальцем во французскую фразу, уже появившуюся в газете. Та же фраза стояла ещё на двух листах.

— Они все говорили на французском?

— Один — на креольском. Второго передали из другого участка. С третьим говорил не я.

— Тогда одинаковые здесь наши слова, не их.

— Ты хочешь сказать, я придумал?

Чем сильнее Юсуф боялся обидеть человека, тем официальнее становился его голос.

— Я хочу сказать, что перевод выполнен в дежурной части. Это нужно отметить с уважением к вашей работе.

— Вот теперь точно звучит как обвинение.

Юсуф подвинул ему карточку.

— Напишите сами: «перевод при приёме». Я не меняю ваш текст.

Дежурный ворчал, но написал.

На девятой карточке время стояло точное, а место — «за старой дорогой». На десятой место было названо до дома, зато время определялось словами «когда снова заработал свет». Юсуф оставил обе записи как были: часы дежурной части показывали, когда приняли сообщение, а не когда что-то случилось.

Он поймал себя на том, что третий раз читает одну строку. Буквы расползались, будто мокрая разметка под колёсами. Юсуф встал, умыл лицо над раковиной и вернулся к карточкам.

Юсуф перебирал семнадцать сообщений. У трёх были доступные очевидцы. У пяти — люди, готовые повторить только чужой рассказ. Два могли относиться к одному месту, хотя назывались соседние дороги. Одно поступило лично, а в устной сводке смены его уже называли телефонным вызовом.

Переносной кассетник принесли вместе с кружкой холодного чая. Записывать звонки начали не с первого ночного вызова, а после того, как дежурные заметили повтор. Ранние голоса остались только в их памяти и почерке.

— Вот этот, — сказал дежурный. — Последний.

Юсуф нажал клавишу.

Сначала прошёл шорох. Потом женский крик — короткий, хриплый, оборванный так резко, будто кто-то прижал ладонь к ленте. Следом мужчина спокойным голосом сообщил, что женщина звонила во время нападения и линия прервалась.

Слов женщины на записи не было. Обрыв существовал только в рассказе мужчины.

Юсуф перемотал небольшой участок и включил снова. Крик закончился на том же дыхании.

Он попросил дежурного вслух повторить, что тот слышал до включения записи. Мужчина помнил звонившего, короткий треск и крик. Был ли до крика женский голос, он не помнил.

— Значит, не было? — спросил другой полицейский.

— Значит, он не помнит, — ответил Юсуф.

Юсуф записал ответ дежурного и отметил, с какого вызова начали запись.

— Есть ещё?

Дежурный достал две кассеты. На одной запись начиналась позже, на другой голос тонул в треске. Крик всё равно совпадал — не просто по длине, а по неровному вдоху перед последним звуком.

Юсуф положил рядом три карточки. Заявленные места находились в разных районах. У одного звонка свидетеля можно было найти, у двух — пока нет. Одинаковая запись могла переходить из рук в руки; по ней нельзя было решить, сколько людей стояло за звонками.

— Что у нас? — спросил Питчен от двери.

Он вошёл без пиджака, с папкой утренней сводки под мышкой. Посмотрел сперва на доску, потом на разложенные карточки.

— Семнадцать сообщений, сэр, — сказал Юсуф.

— Я вижу число.

— Число не показывает, сколько было событий.

Питчен поднял одну карточку, прочёл пустые графы и положил обратно.

— К утреннему совещанию мне нужно одно дело. Одна волна, один номер, один ответ ведомства.

— Разумеется, сэр.

Дежурный скрыл улыбку: он уже знал, что у Юсуфа это слово часто предшествовало отказу.

— С уважением, общий номер не установит общий источник.

— Номер ничего не устанавливает. Он позволяет найти папку.

— Тогда отдельные карточки останутся приложениями.

— Семнадцать приложений к пяти строкам сводки?

— Если в пяти строках останется слово семнадцать, сэр.

Питчен положил ладонь на общую папку. На первой странице сводки Юсуф видел перечень адресатов: штаб восстановления, районные администрации, министерский секретариат. Напротив каждого оставили место для утреннего ответа. У Питчена покраснели глаза, на рукаве засохло пятно от кофе. Общая формулировка была ему нужна; Юсуф видел это. Но не знал, что она скроет, пока не будут заполнены приложения.

— Если тебе нравится заполнять приложения перед рассветом, я не буду мешать.

— Благодарю, сэр.

Питчен подошёл к доске и снова дописал под числом слово, но другое: сообщения.

— В сводке будет семнадцать. На утреннем совещании не станут слушать лекцию о пустых графах.

— Пустые графы не для сводки.

Питчен задержал на нём взгляд.

— Потому и оставляю тебе карточки.

Он забрал общую папку. Юсуф сам любил номера: по ним можно было найти нужный лист. Карточки остались у него.

На одной карточке путь сообщения был записан необычно подробно. Дежурный соседнего участка не знал номера аппарата, зато помнил, что звонивший ссылался на людей из очереди у работающего телефона возле аптеки в Лалмати. Один из них мог подтвердить, кто держал трубку, или хотя бы кто стоял рядом.

Юсуф позвонил в соседний участок. Линия дважды хрустнула и один раз пропала совсем. Там смогли повторить только фамилию человека, который передал рассказ, и ориентир возле аптеки. Сам человек ушёл домой. Обратного номера не оставил.

Юсуф пока не знал, откуда звонили. Зато мог расспросить человека у аптеки.

Юсуф отметил, с кем поговорить сначала и на кого тот ссылался.

Отец на почтовой сортировке начинал с мешка, в который попало письмо без обратного адреса. Юсуф подумал, что сейчас делает примерно то же самое.

Юсуф переписал аптеку на отдельный лист. За кассетами ещё предстояло заехать домой.

Вентилятор поднял углы карточек. Юсуф придержал их ладонью.

Он собрал карточки по порядку, оставив незаполненные графы как есть.

Порт-Луи, дом семьи Элахи, до рассвета 21 февраля.

Юсуф вошёл так тихо, что мать услышала его прежде, чем он успел закрыть дверь.

Она сидела у швейной машины с погашенной лампой и складывала детскую рубашку. Стол после iftar уже убрали. Под крышкой у стены ждала одна тарелка.

— Я только за кассетами, — прошептал Юсуф.

— В доме люди спят, а не полиция.

— Поэтому я шепчу.

— Полиция шепчет громче всех.

Она показала наверх и приложила палец к губам.

— Коробка под кроватью. Не наступи на ребёнка.

Дверь маленькой комнаты была открыта.

Юсуф остановился на верхней ступеньке. Он сам поставил эту дверь прошлым летом и всё ещё собирался купить замок. Проводку планировал закончить после Ramadan. Два года каждый лишний лист кровли, мешок цемента и подержанное окно означали одну и ту же будущую вещь: место, где его бумаги останутся там, где он их положил.

Теперь на полу лежали три матраса.

Дети спали поперёк комнаты, потому что вдоль стены стояли коробки с одеждой. На его столе аккуратно сложили рубашки и школьные тетради. Магнитофон переставили на подоконник, подальше от ног. Никто ничего не сломал. Наоборот, помещение устроили разумно — так, чтобы больше людей поместилось в самом сухом свободном месте дома.

В углу пахло влажной тканью. С крыши родственников вода всё ещё лилась в две комнаты, и дети там засыпали под звяканье тазов. Юсуф сам видел раскрытый ветром край кровли.

Под кроватью нашлись кассеты. Чистые лежали справа, старые — слева. На верхней старой коробке трижды перечеркнули разные подписи: музыка, футбол, юмористическая передача. Когда-то Юсуф записал поверх всего собственное объявление строгим голосом радиовещателя и заставил двоюродных братьев ждать песню, которой на ленте уже не было.

Тогда они потребовали вернуть им потраченную тишину. Юсуф выдал по две минуты следующей передачи и объявил это окончательным решением комиссии. Мать смеялась снизу и просила комиссию вынести мусор.

Юсуф переложил старую кассету к личным записям и взял четыре чистых коробки. На всякий случай проверил защитные язычки. Два были целы, на двух их уже выломали, чтобы запись не стёрли. Последние он вернул под кровать: под чистой наклейкой вполне могла остаться старая запись.

Один из мальчиков во сне перевернулся. Юсуф поймал коробку прежде, чем она задела бетон.

Мать стояла на лестнице.

— Здесь сухо, — сказала она. — У них вода над кроватями. Как только починят крышу, всё унесут.

— Я хотел провести сюда проводку, — начал Юсуф.

— Сейчас?

— Нет. После поста. Я только... мои бумаги...

Юсуф хотел попросить освободить стол. Посмотрел на спящих детей и вместо этого потянулся за кассетами.

Мать подошла к подоконнику и проверила, устойчиво ли стоит магнитофон.

— Его никто не трогал. Я сказала детям.

— Не в магнитофоне дело.

Она ждала.

Юсуф мог сказать: эта комната нужна мне. Мог добавить: не сегодня, но после ремонта. Вместо этого он коснулся стены возле двери.

— Здесь провод пойдёт. Нельзя будет ставить коробки вплотную.

— Тогда переставим. Ты покажешь куда.

Она решила задачу, которую он дал ей решить.

— Всё нормально, — сказал Юсуф.

Он освободил край стола от своих старых папок, поставил их под кровать и подвинул коробку с одеждой. Потом выровнял матрас, чтобы угол не заворачивался на проход. Спящий ребёнок вытянул ногу на освободившееся место.

Внизу мать сняла крышку с тарелки.

— Садись.

— Мне надо вернуться.

— Вернёшься после еды.

— У меня встреча после молитвы.

— Значит, ешь до встречи.

Отец вышел из задней комнаты, неся складной стул. Он поставил его между чужими сумками и стопкой кровельных листов, освобождая Юсуфу место за столом.

— На восток сегодня поедешь? — спросил он.

— Возможно.

— Через внутреннюю дорогу спрашивай на каждом посту. Вчера проезд менялся дважды.

— Записано, — сказал Юсуф голосом Питчена. — Дорожная обстановка находится под полным контролем, кроме дорог и обстановки.

Отец фыркнул. Мать ткнула сына ложкой в плечо.

— Не изображай начальника, пока ешь мою еду.

Юсуф улыбнулся. Дома фраза приходила быстрее, чем на службе.

Отец всю жизнь сортировал почту по маршрутам. Теперь он сел напротив и начал перечислять, кому утром нужна вода и кто обещал помочь с крышей. Мать поправила его: одна семья уже получила канистры, другой человек не сможет приехать из-за машины. Разговор шёл о том, как прожить следующий день.

Юсуф ел слишком быстро. Еда остыла после iftar, но её оставили под крышкой именно для него. Мать подвинула воду ближе и посмотрела так, что он замедлился на два движения ложки.

Наверху скрипнула кровать. Кто-то тихо успокоил ребёнка.

— Им надолго? — спросил Юсуф.

— Пока не будет крыши, — ответила мать.

— Конечно.

Она посмотрела внимательнее.

— Что?

— Всё нормально.

Наверху прошли по бетонному полу, ребёнок закашлялся, скрипнула кровать. Юсуф представлял, как будет сидеть за своим столом с закрытой дверью. Теперь пришлось бы сначала попросить уйти тех, кого он сам пустил в дом.

Он закрыл пустую тарелку крышкой, взял коробку кассет и поднялся.

— Я вернусь, когда смогу.

— Мы знаем, — сказала мать. — Поэтому и оставляем еду.

У двери Юсуф оглянулся. Отец уже переставлял стулья для тех, кто проснётся. Мать вернулась к детской рубашке. Наверху скрипнул матрас, и кто-то снова затих.

Юсуф поставил коробку кассет рядом с тарелкой, застегнул китель и забрал коробку под мышку.

Порт-Луи, двор мечети, раннее утро 21 февраля.

После утренней молитвы имам Рашид Элахи решал, куда отправить две машины.

Одна должна была везти воду в дома с повреждёнными баками. Вторая — пожилых людей и тех, кто после Hollanda не мог добраться до врача или родственников сам. У стены переставляли канистры, на капот положили лист с адресами. Камень у входа ещё оставался влажным.

Рашиду было пятьдесят пять. За годы, когда соседи приносили ему семейные споры раньше, чем вопросы веры, он научился помнить не только сказанное, но и имя человека, который потом должен был жить рядом с обвинённым. Поэтому фамилии на листе он закрывал ладонью всякий раз, когда кто-то склонялся слишком близко.

— Воды мало, — сказал один из добровольцев.

— Тогда не обещай четыре поездки, — ответил Рашид. — Сделай две.

— Люди будут недовольны.

— Люди будут ещё недовольнее, если ты не приедешь.

Рашид переставил две фамилии между машинами. Один водитель знал короткую дорогу, но его машина не проходила там, где вода размыва край. Другой обещал всем сразу и уже опаздывал к первой семье.

Юсуф подождал, пока дядя закончит с водителями. Карточка в нагрудном кармане упиралась углом в грудь. Он успел сменить мокрый китель, но не поспать.

Рашид посмотрел на коробку кассет у него под мышкой.

— Теперь полиция приходит со своей музыкой?

— Чистые.

— Тем более жалко.

Это была домашняя интонация, которой Рашид пользовался только тогда, когда поблизости не ждали от него решения. Тут же к ним подошли двое мужчин, и лицо имама снова стало внимательным.

Юсуф достал одну карточку.

— Мне нужно передать просьбу человеку, который знает очередь у телефона возле аптеки в Лалмати. Адрес у нас уже есть. Я не прошу его сюда.

— Что именно ты просишь?

— Поговорить со мной добровольно. Объяснить, кто стоял в очереди и что слышал сам.

— А если не хочет?

— Тогда не говорит.

Рашид взял карточку, но не лист с адресами.

— Вот так и объяснишь ему сам.

Один из мужчин услышал слово «очередь».

— Пока вы приглашаете, оно снова придёт ночью, — сказал он. — Надо пройти дома. Одинокие мужчины, приезжие рабочие, кто живёт без семьи. За утро половину можно исключить.

— Как? — спросил Юсуф.

— Посмотреть дворы. Спросить соседей. Если не открывает, значит, есть причина.

— Адреса уже есть, — добавил кто-то от машины. — Мы развозили воду. Знаем, где кто живёт.

Рашид перевернул лист лицом вниз.

— Вы знаете, куда привезти воду. Больше этот список ничего не знает.

— Бумага одна и та же.

— Поэтому руки должны быть разные.

На рубашке первого добровольца остались полосы засохшей грязи.

— Ночью я расчищал проезд и провожал сестёр с детьми от автобуса, — сказал он. — Сегодня опять ждать, пока кто-нибудь испугается?

Второй мужчина покачал головой.

— Нужно собрать людей на чтение. Они боятся джинна, а полиция приходит с пустыми карточками.

У него на листе рядом с именем стояло: утром отвезти двух пожилых женщин. Он тоже не прятался от практической работы.

— Молитва не покажет, кто был у телефона, — сказал первый.

— Твой обыск тоже не покажет.

— Покажет, кто прячет масло и чужие вещи.

Несколько человек во дворе перестали грузить канистры. Голоса остались приглушёнными, но спор уже менял работу: водитель второй машины положил ключи на капот, чтобы освободить руки.

Рашид вернул ключи ему.

— Сначала отвези людей.

— А вечером?

— Вечером можешь сопровождать тех, кто боится идти один. Как вчера.

— И смотреть в сторону нельзя?

— Смотреть можно. Входить в чужой двор нельзя. Требовать открыть дверь нельзя.

Шкафы проверять нельзя.

— Если полиция попросит?

Рашид посмотрел на Юсуфа.

Юсуф говорил с Рашидом по-домашнему. Теперь придётся повторить запрет при всех.

— Полиция не просит, — сказал Юсуф.

— Пока, — возразил доброволец.

— И без основания не попросит.

— А твой начальник это подтвердит?

Вопрос попал точнее, чем доброволец мог знать. Юсуф вспомнил общую папку Питчена и семнадцать приложений под одним номером. Начальник пока не требовал чужих адресов. Ответить за все будущие приказы Юсуф не мог.

— Сегодня я отвечаю за эту просьбу, — сказал он. — В ней нет обыска и нет списка домов.

Сказанное могло к вечеру вернуться к родителям, соседям и людям, с которыми он молился. Юсуфу хотелось смягчить ответ. Он промолчал.

Второй мужчина спросил Рашида:

— Ты говоришь, джиннов нет?

— Я этого не говорил.

— Тогда что ты говоришь?

Рашид провёл карандашом по списку поездок. Две машины, шесть адресов, меньше топлива, чем обещаний.

— Что неизвестное не даёт тебе права назначить виноватым человека, которого ты знаешь. И не даёт ключа от его дома.

— А чтение?

— Если люди хотят молиться, они будут молиться. Не будем объявлять после этого, что нашли преступника.

— А патруль?

— Две пары на дороге, если людям нужно сопровождение. Без палок у чужих ворот. Если увидите опасность — зовите полицию и называйте то, что увидели, не то, чего боитесь.

Первый доброволец хотел возразить, но из машины позвали: канистры заняли место пассажиров. Он пошёл перекладывать их.

Спор не закончился, но ключи остались у водителя. Канистры снова начали ставить в багажник.

Рашид отвёл Юсуфа к краю двора.

— Я знаю человека, который вчера говорил об этой очереди. Передам твою просьбу.

— Мне нужно только это.

— Тебе всегда нужно только одно, пока ты не достанешь следующую карточку.

— Тогда скажи ему, что он может отказаться от следующего вопроса тоже.

Рашид едва заметно улыбнулся.

— Это уже похоже на правду.

— И ещё...

Улыбка исчезла.

— Вот следующая карточка.

— Не карточка. Если согласится, пусть приходит к аптеке. Не в участок. Там проще восстановит очередь.

— Ты объяснишь, зачем включаешь запись при других людях.

— Сначала спрошу согласия.

Рашид кивнул.

Юсуф записал имя для добровольной беседы. Рассказ ещё предстояло проверить.

На капоте лежал общий список помощи. Рашид провёл пальцем по строкам воды и поездов, затем закрыл ладонью колонку домашних адресов, когда доброволец снова подошёл спросить о маршруте.

— Сопроводить — да, — сказал он. — Обыскивать — нет.

Машины выехали со двора одна за другой.

Дорога из Порт-Луи в Лалматти, утро 21 февраля.

Дорогу на восток Юсуф уточнял на каждом посту.

Перед выездом из Порт-Луи один пост подтвердил проезд через Мока. В Мока сказали, что дальше лучше держаться направления на Quartier Militaire. За ним служебная машина ждала у сужения, пока встречный грузовик протиснется между канавой и убранном к обочине стволом.

В прежние годы Юсуф восстановил бы путь по времени автобуса и смене кондуктора. После Hollanda дорога менялась быстрее показаний: дерево убрали, грузовик застревал, пост менял рекомендованный объезд. Он записывал не минуты, а место, где ему последний раз подтвердили проезд.

В Лалматти маленький генератор аптеки было слышно раньше, чем видно вывеску.

У двери стояла очередь. Один мужчина ждал звонка родственнику. Женщина хотела узнать, прошёл ли автобус по прибрежной дороге. Пожилой человек держал в руке листок с номером и повторял его губами. Телефонную трубку передавали из рук в руки после коротких разговоров, потому что за каждым человеком оставались ещё люди.

Когда линия освободилась, пожилой человек набрал номер и долго слушал. Услышав ответ, сказал только: «Мы добрались» — и передал трубку следующему. Женщина за ним сразу спросила, прошёл ли автобус.

При изменении нагрузки лампа в глубине аптеки тускнела. Потом снова разгоралась. Генератор поддерживал холодильник с препаратами, свет за прилавком и только короткие включения остальной техники. Воздух пах лекарствами, влажным картоном и нагретым топливом.

Рядом с батарейками и перевязочным материалом лежали багеты, принесённые родственником из пекарни. Часть предназначалась семье, часть уже отложили соседям.

Мэй-Лин Чан подошла к Юсуфу не сразу.

Мэй-Лин сперва закончила объяснять женщине назначение, дважды попросила повторить его вслух и отметила на коробке, когда вернуться. Сорокалетняя хозяйка и фармацевт давно работала за этим семейным прилавком. Юсуф ждал, пока она отпустит покупательницу.

- Субинспектор Элахи, — представился Юсуф.
- Я знаю. Рашид передал просьбу.
- Она кивнула на женщину у конца прилавка.
- Она согласилась поговорить. Остальные решат сами.
- Мне нужен порядок людей у телефона вчера вечером.
- Тогда спрашивайте порядок. Не список моих клиентов.
- У вас есть запись, кто звонил?

Мэй-Лин посмотрела на журнал возле кассы.

- У меня есть записи работы аптеки. Я их не отдаю.

- Я не просил отдать.

- Хорошо. Значит, мы поняли друг друга раньше спора.

За её спиной мужчина попросил батарейки в долг. Мэй-Лин согласилась записать одну упаковку: следующему дому тоже нужен фонарь. Юсуф отступил от прилавка, чтобы не видеть фамилию в тетради.

Очередь двигалась. Мэй-Лин между продажами спросила, кто находился здесь в нужный промежуток и готов сказать об этом Юсуфу. Остались трое. Остальные продолжили ждать телефона или ушли с покупками.

Один человек согласился назвать своё место в очереди, но не содержание разговора. Юсуф принял условие. Чтобы понять, кто мог слышать мужской голос, ему не требовалось знать, кому тот сообщал о болезни. Мэй-Лин услышала ответ и впервые перестала следить за его руками возле журнала.

В задней комнате было тише, хотя двигатель гудел через стену. На полке лежали высохшие праздничные украшения. Вода оставила на них разводы, края покоробились. Рядом стояла коробка под стопкой накладных.

- Осталось с десятого февраля, — сказала Мэй-Лин, заметив его взгляд. — Родственники не смогли приехать.

Она поправила накладные и поставила коробку ровнее.

Мэй-Лин вернулась к прилавку. Разговаривать пришлось между её шагами и звонками телефона.

- Кто был первым? — спросил Юсуф.

Одна свидетельница указала на пожилого мужчину.

- Он пришёл позже меня.

- Позже — это когда?

- После того, как меняли канистру.

- А до канистры?

Женщина, которую позвал Рашид, помнила мужчину у аппарата. Другой свидетель считал, что тот только ждал у стены. Один слышал разговор. Двое в это время смотрели на генератор, потому что свет погас.

- Он говорил до того, как стало темно, — сказала женщина.

- Нет, после, — возразил мужчина.

- После снова зажгли лампу.

- Для меня это и было после.

Юсуф не заставил их выбрать одну последовательность. Нарисовал два коротких варианта, совпадавших в одном: спокойный мужской голос звучал рядом со сменой канистры, но никто из этих двоих не видел лица говорившего всё время. Третий свидетель помнил человека, уступившего трубку женщине. Был ли это тот же мужчина, он не знал.

Юсуф провёл на листе линию и вместо минут написал: до смены канистры, во время, после. Расставил людей там, где сходились хотя бы две памяти. Между ними остались промежутки.

— Вы хотите найти, кто не вспомнил? — спросила женщина.

— Хочу не приписать ему то, чего он не видел.

Она посмотрела на кассетник.

— Это тот звонок?

— Один из поздних. Записаны не все.

Юсуф спросил согласия у троих. Мэй-Лин сказала из-за прилавка:

— Коротко. Люди пришли за телефоном, а не слушать нападение.

Он нажал клавишу.

В первой секунде слышался только собственный шум ленты. Юсуф заметил, как свидетели наклонились к аппарату, и поднял ладонь: не отвечать, пока фрагмент не закончится.

Крик заставил мужчину у двери обернуться. Он был таким же, как на двух других кассетах в полицейской комнате: тот же неровный вдох, тот же резкий конец. Затем мужской голос ровно сообщил, что женщина звонила во время нападения и связь оборвалась.

Юсуф остановил ленту.

— Вы слышали женщину, которая говорила? — спросил один свидетель.

— На записи есть крик. Всё остальное говорит мужчина.

— Значит, женщина не звонила? — спросил мужчина у двери.

— Значит, на этой записи мы не слышим её слов. Кто держал трубку раньше, запись не показывает.

Мужчина повторил формулировку медленнее и кивнул.

Юсуф включил ещё раз только последние секунды. За голосом прошёл глухой удар колокола.

— Отсюда, — быстро сказал мужчина.

Мэй-Лин подняла голову от рецепта.

— Из этой части района. Не из этого телефона.

— Здесь его слышно лучше.

— Сегодня. При таком ветре. Когда генератор не закрывает звук.

Женщина у стены сказала, что слышала такой колокол с другой улицы. Второй свидетель назвал ещё одно место. Юсуф очертил на листе не точку, а широкий участок.

Место звонка осталось пустым.

Юсуф сравнил удар с двумя пометами на других карточках. Время дежурной части сближало записи, но не совпадало до минуты, да и часы в очереди никто не сверял. Колокол мог ограничить район. Он не мог выбрать стену, за которой стоял телефон.

— Крик повторите, — попросил мужчина.

— Нет, — сказала женщина, которую позвал Рашид. — Не крик. То, что он говорит потом.

Юсуф перемотал и дал мужскому голосу прозвучать ещё раз.

Женщина не смотрела на кассетник. Она смотрела на очередь, будто проверяла, кто услышал вместе с ней.

— Я его знаю.

— Откуда? — спросил Юсуф.

— Районное собрание. И когда раздавали фонари. Он называл людей по очереди, чтобы не брали дважды.

— Имя?

Она назвала его тихо.

Юсуф записал, затем спросил:

— Это Валли?

— Нет. Его помощник. Тот, что выступал на районном собрании.

— Вы уверены?

— Я уверена, что голос похож. Не пишите, будто я видела его с трубкой.

Юсуф подчеркнул, где свидетельница раньше слышала голос.

— Вы слышали его в обоих местах? — спросил Юсуф.

— Да. На собрании и у фонарей.

Юсуф записал два случая знакомства с голосом. Они объясняли память свидетельницы, но не заменяли независимой проверки.

Мэй-Лин подошла ближе.

— Этот человек бывал у телефона. Люди из штаба приходят, как остальные.

— Вы видели его здесь вчера вечером?

— Я видела много людей. Не видела, как он делал этот звонок. Если бы видела, так бы и сказала.

— Кто ещё из штаба приходил?

— Мы договорились до спора, субинспектор.

Юсуф отвёл взгляд от журнала.

— Да. Список клиентов мне не нужен.

Он переписал карточку набело: голос предположительно опознан; основание — районное собрание и распределение фонарей; проверить независимо. Свидетельницу указал отдельно. Слова Мэй-Лин — отдельно. Колокол оставил широким районом. В графе аппарата ничего не написал.

Женщина дождалась, пока он закончит.

— В ту ночь он должен был дежурить в партийном комитете, — сказала она. — Поэтому я и запомнила, что слышала его раньше.

— Откуда вы знаете о дежурстве?

— Они распределяли людей по ночам. У них должен быть список.

Если список сохранился, появится с чем сравнить слова свидетельницы.

Юсуф поставил рядом с именем вопросительный знак и написал: запросить дежурный список.

За дверью снова ударил колокол. Юсуф слышал его и здесь, в задней комнате.

Глава 8

Belle Rive, утро 21 февраля 1994 года.

При дневном свете балкон номера 312 стал меньше.

Ночью за перилами начиналась пустота. Теперь Дев видел песок на дорожке, ветки в бассейне и двух работников, которые тянули по саду шланг. Верхний край рамы находился чуть выше поднятой руки. За ним человек мог скрыться из поля зрения Люси.

Как он туда пришёл, свет не показывал.

Номер успели привести в порядок. Постель застелили. На столе ровно лежали дорожные бумаги, банковская папка, бумажник Томаса и футляр для очков. Рядом стояла чашка; круг от её доннышка остался на полированной поверхности в стороне от папки.

Дев сверил комнату с ночной записью и не стал снова открывать ящики.

— После нашего ухода что-нибудь перемещали?

— Разумеется, — сказал Томас. — Мы здесь живём.

— Что именно?

Томас перечислил одежду, чашки, папку и портфель. Всё, что находилось на виду. Люси сидела у окна и вслушивалась в каждое слово.

— Что пропало? — спросил Дев.

— Ничего.

— Из номера?

— Ничего.

— Из папки?

Томас положил ладонь на её край.

— Комплект на месте.

— Какой комплект?

— Тот, который вы видите.

Дев оставил карандаш над строкой.

— Я спрашиваю о трёх разных вещах. Что отсутствует в номере. Что отсутствует среди бумаг. И о чём вы готовы заявить как о пропаже.

— Из предъявленного вам комплекта ничего не отсутствует.

— Есть бумаги, которых в предъявленном комплекте нет?

— У каждого путешественника есть бумаги, которые он не раскладывает для полиции.

— Я не прошу раскладывать. Я спрашиваю, составляли ли вы перечень до происшествия.

— Нет.

— Тогда откуда знаете, что комплект полный?

Томас чуть отодвинул папку от края стола.

— Я работаю с документами всю жизнь.

— Ваша память — один источник. Исходный перечень был бы другим.

— Вы подозреваете меня в заявлении о несуществующей краже?

— Вы о краже не заявляли.

Дев задал вопрос о деньгах, паспортах и личных вещах. Томас ответил по каждому пункту отдельно: паспорта проверены, наличные не пересчитывали при свидетелях, ценности из сейфа не предъявляли.

— Что в комнате вы считаете настолько важным, что посетитель мог прийти именно за этим?

— Это ваш вопрос, не мой.

— Поэтому спрашиваю у вас.

— Ничего.

У двери Айша закрыла блокнот. Она приехала отдельно и не просила допустить её к опросу. Стояла в коридоре рядом с представителем администрации, держа его у бедра. Томас видел её и потому выбирал слова ещё тщательнее.

Дев попросил его пройти к администратору и проверить перечень людей, входивших в номер после полиции.

— Моя жена уже всё рассказала.

— Поэтому вы вернётесь быстро.

Томас посмотрел на Люси. Она не попросила его остаться.

Когда дверь закрылась, Дев передвинул стул так, чтобы не заслонять ей балкон.

— Начнём не со стука. Что вы делали перед ним?

— Читала. Томас лежал.

— Потом?

Люси восстановила порядок без помощи: первый удар, пауза, второй, пауза, третий. Она подошла не сразу. Сначала выключила лампу у кресла, потому что в стекле отражалась комната.

— Ночью я сказала, что подошла после третьего удара, — добавила она. — Это неточно. После третьего я ещё стояла у кресла.

Дев исправил последовательность. Люси уточнила её сама, хотя поправка ничего не объясняла.

— Вы увидели мужчину. Что он сделал?

— Показал на ручку.

— Один раз?

— Дважды. До света и после того, как Томас встал.

— К чему ещё он показывал?

Люси посмотрела на папку.

— Ни к чему.

— Тогда почему вы ночью упомянули бумаги?

Она провела пальцем по шву кресла.

— Я не упоминала бумаги. Томас после появления человека посмотрел на сейф. Потом сразу проверил документы.

— Вы решили, что человек пришёл за ними.

— Я решила, что Томас так подумал.

Дев записал это отдельно.

— Папку открывали после встречи и до стука?

Люси помедлила с ответом.

— Томас пересчитывал страницы.

— Вы видели весь комплект?

— Видела папку открытой.

— Вы уже спрашиваете о другом.

— Нет. Весь комплект я не проверяла.

Она выговорила всё с той же точностью, с какой исправила своё положение у кресла.

— После нападения папка была вскрыта?

— Нет.

— Из тех вещей и страниц, которые вы видели до него, что-нибудь исчезло?

Люси снова посмотрела на стол. На этот раз дольше.

— Я не заметила явной пропажи.

Дев записал её слова дословно.

Томас вернулся раньше администратора.

— Достаточно?

- Почти. Ваша жена считает, что мужчина мог интересоваться бумагами.
- Моя жена испугалась.
- Одно не исключает другого, — сказала Люси.
- Ты видела жест к двери, не к папке.
- Именно это я и сказала.

Томас повернулся к Деву:

- Вы превращаете её догадку в версию.
- Нет. Я записываю, где заканчивается жест и начинается догадка.

Дев встал на место Люси у кресла. В стекле снова лежала комната: стол, кровать, светлая рубашка Томаса. Он попросил выключить лампу, хотя утренний свет почти не изменился, и поднял руку к верхней раме.

Из точки Люси пальцы человека могли оставаться видны секунду, затем исчезнуть за краем. Дальше начиналась крыша и те служебные участки, которые они уже осматривали ночью. Крепление, опора и путь к самому балкону оставались вне её взгляда.

- Значит, он мог подняться, — сказал Томас.
- Мы это знали ночью.
- Тогда что вы сейчас установили?
- Почему ваша жена перестала его видеть. Не как он оказался здесь.

Дев не касался верхнего края. Свежую царапину среди старых отметили ещё ночью.

Айша ждала у открытой двери. Когда формальная часть закончилась, она обратилась к Люси:

— Вы согласитесь позже поговорить о вчерашней встрече? Не об опросе. О людях за столом и о том, что каждый называл восстановлением.

— Мы не обсуждаем деловые переговоры с прессой, — сказал Томас.

Люси повернула к нему голову.

— Она спросила меня.

В комнате стало слышно, как в коридоре катят тележку с бельём.

— Пока не знаю, — сказала Люси Айше. — Спросите позже.

— Хорошо.

Айша не стала добиваться обещания. Томас начал говорить о конфиденциальности сделки, но теперь его слова звучали ответом на вопрос, которого ему не задавали.

Люси слушала, не поправляя. Томас защищал переговоры от полиции и газеты. Что защищала своим молчанием Люси, Дев не знал.

Дев вернулся к записи. Ночная строка была слишком широкой: ничего не пропало. Он провёл через неё одну линию. Над ней написал: ничего не заявлено пропавшим из предъявленного комплекта.

Айша подошла ровно настолько, чтобы увидеть исправление. Дев закрыл блокнот.

— Я не читаю вверх ногами, — сказала она.

— Раньше читала.

— Раньше ты держал его ниже.

Это прозвучало почти как старый разговор, но ни один не продолжил.

— Келлеры не объясняют путь сверху, — сказал Дев.

— Мирей тоже не знает пути целиком.

— Тогда зачем снова говорить с ней?

— Она видела, кто ночевал наверху. На плане этого нет.

Дев посмотрел на аккуратный стол и на папку, чей видимый край Томас выравнивал ладонью.

— Это отдельная проверка, — сказал он. — Без материалов опроса.

— Я их и не просила.

На последней строке страницы осталось достаточно места для слова кража.
Дев его не написал.

Belle Rive, позднее утро 21 февраля.

Во дворе за прачечной спорили о деньгах.

Мирей стояла между двумя работниками и человеком из администрации. На временной верёвке над ними сохли рубашки, простыни и чьи-то рабочие брюки. Горячий воздух пах порошком, сырым бетоном и металлом, который с утра успел нагреться.

За задними дверями Belle Rive тянулись трубы; расписание смен написали на куске картона. У стены стояли два ведра с тряпками. Рядом сохло одеяло, на котором кто-то ночевал. Мирей предстояло вернуть его в бельевую.

— В журнале шесть часов, — говорил администратор.

— В журнале шесть часов смены, — ответила Мирей. — Ночь на крыше там не помещалась.

— Они не работали всю ночь.

— Они держали лист кровли, пока ветер его поднимал. Если это отдых, найдите мне такой же.

Молодой работник смотрел в землю. Второй держал свёрнутый матрас и переводил взгляд с Мирей на Дева. При виде полиции разговор не прекратился, но все слова стали короче.

Мирей закончила первой.

— Напишите шесть часов, — сказала она администратору. — А я напишу, во сколько они смогут вернуться домой, если снова останутся без денег на дорогу.

Тот ушёл, пообещав проверить.

— Теперь вы, — сказала Мирей.

Дев показал чистый лист.

— Нам нужно восстановить людей, которые поднимались наверх после циклона.

— Для нападения или для хозяев?

— Для проверки доступа.

— Это не ответ.

Айша стояла рядом с тележкой мокрого белья. Она не открывала блокнот.

— Отдельно, — сказал Дев. — Я спрашиваю о том, кто мог видеть путь или человека. Не провожу дисциплинарную проверку.

— Но имена останутся у полиции.

— Да.

— И если отель попросит?

— Я не могу обещать, что сведения никогда не войдут в дело. Могу записать, что ночлег был разрешён старшим смены и сам по себе не является основанием подозревать человека.

Мирей посмотрела на лист, потом на работников.

— Сначала без имён.

Дев кивнул.

Он начертил четыре колонки: имя, время, доступ, работа.

Мирей забрала лист, перевернула и положила чистой стороной вверх.

— Сначала запишите, кто за что отвечал.

Айша спросила молодого работника:

— Для чего вы поднимались?

Он поднял глаза.

— Носил листы и дерево. Потом держал край.

— С кем?

Он назвал не человека, а кровельную бригаду.

— Как вас провели?

— Через лестницу с охраной. Сначала. Потом дверь оставляли, потому что мы ходили вниз за материалом.

— Кто записал второй подъём? — спросил Дев.

— Не знаю.

— Вы сказали кому-нибудь?

— Тому, кто был у двери.

— Должность?

— Охрана.

Каждый ответ заканчивался ролью, которая могла означать нескольких людей и разные смены.

Работник со свёрнутым матрасом сказал, что относил наверх воду. Потом признал, что не только относил.

— После полуночи мы легли там, где не текло.

До его района транспорт в ту ночь не дошёл. Дома под повреждённой крышей уже разместились родственники, и сухое место между сменами оказалось здесь.

— Кто разрешил? — спросил Дев.

— Старший сказал не занимать гостевые комнаты.

— Имя старшего?

Мужчина сжал матрас сильнее.

— Мне заплатят за ту ночь?

— Я не решаю оплату.

— Тогда моё имя поможет вам и помешает мне.

Мирей не вмешивалась. Ждала, что сделает Дев.

Он зачеркнул пустую колонку имя.

— Пока мне нужны действия. Кто позже подтвердит разрешение, проверим отдельно.

Мужчина положил матрас на тележку.

— Спали трое. Один ушёл до рассвета к семье. Я не знаю, через какую дверь он спустился: я спал.

У дверей прачечной собрались ещё несколько человек. Мирей сама выбирала, кому дать говорить. Один носил материалы. Другой помогал заполнять бак. Женщина из прачечной поднимала мокрые матрасы и развешивала бельё там, где ветер уже не рвал ткань.

— Вы ходили за эту решётку? — спросил Дев.

— Когда переносили бельё — до неё. Когда чинили вентиляцию, мужчины проходили дальше.

— Какие мужчины?

— Не знаю. Я отодвигала тележки. Они не представлялись моему белью.

Кто-то тихо засмеялся. Напряжение отпустило ровно настолько, чтобы заговорил следующий работник.

Подрядчиков проводили группой. Иногда охранник считал людей на входе и выходе. Иногда старший торопил всех из-за протечки. При срочной работе фамилии обещали внести потом. Кто-то поднимался на крышу через основную служебную лестницу, кто-то выходил с верхнего уровня, где уже находился по работе.

Работник постарше сказал, что дважды ходил к антенне. В первый раз его провёл охранник, во второй он поднялся вслед за техником, когда дверь уже была открыта.

— Имя техника? — спросил Дев.

— Я его не спрашивал. Он спросил, умею ли я держать лестницу.

— Где он потом спустился?

— Наверное, там же.

— Видели?

— Нет.

Дев прочёл запись работнику, отдельно повторив его «наверное». Тот кивнул.

Другой помнил бак с водой, потому что таскал тяжёлые канистры. Он мог показать участок крыши, куда их ставили, но не дверь, через которую ушла ремонтная бригада. Женщина из прачечной помнила, что один матрас вернули влажным снизу. Это указывало на место ночлега, но ничего не говорило о балконе.

Дев поймал себя на том, что начал делить голоса на тех, кого надо исключить, и тех, кого надо проверить. Полицейский список делал это раньше мысли. Он перевернул карандаш и стёр две поставленные рядом отметки.

— Кто видел весь путь ремонтников от двора до места работы? — спросил он.

Никто не ответил.

— Кто видел их у себя?

Поднялись четыре руки.

Айша посмотрела на него и промолчала.

Женщина из прачечной согласилась назвать своё имя, но попросила записать, что во время ночлега оставалась между сменами, а не отсутствовала на рабочем месте.

— Если они скажут, что меня там не должно было быть, они не заплатят ни за одну смену.

— Кто они? — спросил Дев.

Она показала подбородком в сторону фасада.

— Те, для кого крыша закрыта, пока не надо держать её руками.

Дев записал её условие перед именем.

Мирей назвала тех, чью работу могла подтвердить сама. Не стала подтверждать подрядчиков, которых видела только издалека, и остановила Айшу, когда та спросила, кто из них лучше знал здание.

— Лучше кого?

— Лучше администрации.

— Половина персонала знает здание лучше администрации. Но из этого ещё нельзя выбрать человека, который был на балконе.

— Я этого не сказала.

— Поэтому и не дам вам написать так случайно.

Айша приняла упрёк без улыбки.

— Кто сводил разрешения, транспорт и жалобы ночью?

— Ночной менеджер.

— Он был при ремонтах?

— При некоторых.

— Знал всех подрядчиков?

— Тех, кого ему назвали.

— Знал все открытые панели?

— Если бы знал, вы бы сейчас не спрашивали меня.

— За что вы можете поручиться? — спросил Дев у Мирей.

Она могла подтвердить, кто из её людей работал, кто просил сухое место и где складывали матрасы. С охраной и подрядчиками её память была хуже: чужие смены она не считала, за каждым ремонтом не следила и сказать, находился ли кто-нибудь над 312 в минуту, когда Люси включила свет, не могла.

— И никто из этих людей не обязан знать, что за соседней стеной, — закончила она.

На обратной стороне листа Дев провёл отдельные линии: ремонт, вода, ночлег, прачечная. Они пересекались у лестницы и расходились наверху. Он не соединял концы.

— Эти люди теперь свидетели? — спросил молодой работник.

— Некоторые видели часть работы, — ответил Дев.

— Это не ответ.

— Пока точнее нет.

Под взглядом Мирей Дев показал людям лист: рядом с их словами стояли условия, на которых они согласились говорить, и то, чего они не видели.

— К кому идти? — спросил Дев.

Мирей посмотрела на перевёрнутый лист. На чистой стороне уже стояли работы, способы допуска и границы памяти. Имена появились только там, где люди согласились их назвать.

— Спросите ночного менеджера, — сказала она. — Он покажет вам, как всё должно было работать.

— А как работало?

Мирей забрала со стены высохшую рубашку и сложила её поверх матраса.

— Это он тоже знает. Только не всё сразу говорит.

В прачечной запустили машину. Разговор утонул в воде и металле.

Belle Rive, день 21 февраля.

Динеш Сиборун разговаривал с тремя людьми одновременно и каждому давал разный ответ.

Гостю, требовавшему машину к полудню, он обещал проверить. Водителю с пустым баком сказал не обещать ничего. Работнице, пропустившей утренний автобус, передвинул смену и нашёл место в вечерней машине, если та вернётся с побережья.

Потом вынул ремонтную карточку из пачки гостевых записей, где её искали двое других.

Тридцатидвухлетний ночной менеджер вырос в семье гостиничных работников и сам начинал у стойки. Он умел различать обещание, просьбу и задачу, хотя все три произносились одинаково сердитым голосом.

— Инспектор Раджен? — спросил он, когда очередь перед ним поредела. — Мне сказали, ночной осмотр закончен.

— Ночной — да.

При имени Айши Динеш взглянул на открытую дверь служебной стойки и закрыл её. Не на ключ, только до щелчка.

— Газета тоже проводит осмотр?

— Газета задаёт вопросы, — сказала Айша.

— Иногда это дороже ремонта.

На столе Динеш разложил план Belle Rive. Бумага стала мягкой на сгибах. Карандашная линия отмечала место бывшей перегородки, которую полиция уже увидела ночью. За ней начиналась известная узкая галерея и заканчивалась у закрытой решётки.

— Это не новый проход, — сказал Динеш. — Стену сняли давно. Дальше к номеру 312 пути нет.

— По плану? — спросил Дев.

— И по зданию.

— Вы проходили каждый участок после ремонта?

— Я знаю служебные маршруты.

— Все?

Динеш поправил угол бумаги.

— Все разрешённые.

Динеш провёл по схеме маршрут от стойки до служебной лестницы, затем к выходу на крышу. Для ремонта полагалось сообщить охране, взять ключ и вернуться тем же путём. Подрядчиков должен был сопровождать старший. Закрытая решётка отделяла участок, куда без рабочей причины не заходили.

— Кто проверял возвращение тем же путём? — спросил Дев.

— Охрана.

- Каждый раз?
- Таков порядок.
- Я спрашиваю не порядок.

Динеш назвал две смены, при которых сам видел возвращение людей. Об остальных снова заговорил должностями. Его память была точна там, где он стоял у стойки, и сразу принимала форму инструкции там, где его не было.

Дев указал не на снятую стену, а дальше — за решётку, к повороту у прачечной. Там схема рисовала другую, сохранившуюся перегородку и тупик.

- Что за ней?
- Коммуникации. Ничего, по чему можно пройти к балкону.
- Что именно ремонтировали там после циклона?
- Вентиляцию. Панели. Возможно, крепление решётки.
- Кто открывал?
- Подрядчики с разрешением.
- Какие подрядчики?
- По заявкам.
- Вы их видели?

Динеш посмотрел на Мирей. Она стояла у шкафа с бельевыми вешалками и не собиралась помогать ему выбрать ответ.

- Некоторых.
- Тогда перечислите сначала то, что видели сами.

Динеш закрыл ремонтную карточку ладонью.

— Вы хотите сделать меня ответственным за каждого человека, который взял отвёртку после Hollanda.

— Нет. Хочу перестать считать вас ответственным за то, чего вы не видели.

Айша спросила:

- Кто велел вам говорить закрыто, если вы знаете только разрешённые маршруты?
- Никто не велел.
- Тогда почему вы закрыли дверь?

Динеш взглянул на неё.

— Потому что хозяева хотят слышать, что ночные смены были управляемыми. Я хочу, чтобы следующую должность дали мне, а не человеку, который научится говорить это убедительнее.

Он помолчал.

— Моя сестра работает в конторе компании де Вилье. Если здесь решат, что наша семья помогла устроить скандал, потеряем работу оба. Это не значит, что я знаю дорогу к номеру.

— Я этого не сказала, — ответила Айша.

— Пока.

Дев убрал карандаш от карточки.

— Покажите стену.

Динеш взял связку ключей. К решётке они прошли уже знакомой ночной галереей. Дев не останавливался у снятой перегородки. Дальше воздух становился горячее; из прачечной тянуло влажной штукатуркой и нагретым бельём.

Динеш открыл решётку обычным ключом. За ней был короткий служебный участок, поворот и окрашенная панель возле дальней стены.

В пыли после ремонта пересекались следы колёс и подошв. После ночного дождя, утренней работы и нескольких осмотров Дев не мог выделить среди них путь одного человека.

- Здесь тупик, — сказал он.
- На бумаге, — сказала Мирей.

— И здесь.

Дев прошёл обратно до ближайшей двери номера, потом снова к повороту. Приглядывался к простенкам, ширине дверей и месту, где привычный ряд сбивался.

План утверждал, что за прачечной стена заканчивается раньше.

Дев вернулся к решётке и посмотрел на линию коридора оттуда. Видимый тупик оставался тупиком. Несоответствие выглядело лишней толщиной между двумя используемыми помещениями. В неё могли входить трубы, старый короб, двойная кладка — всё то, что план для администрации сводил к одной черте.

Айша ушла в соседний коридор. Дев слышал, как она попросила Мирей открыть дверь, затем как тележку отодвинули от стены. Она проверяла не его путь: сравнивала длину прачечной с чередованием дверей по другую сторону.

Они вернулись к плану одновременно.

— Толще, — сказал Дев.

— Здесь лишнее, — сказала Айша.

Он уже протягивал ей карандаш. Она уже придерживала край бумаги, освобождая место для отметки.

Айша взяла карандаш за другой конец, не задев его пальцев, и положила поперёк наметенной стены.

— Не рисуй полость, — сказала она.

— Я и не собирался.

— Собираюсь поставить две линии.

— Одну.

Она отпустила план. Дев повернул карандаш остриём к себе и сделал отметку сам.

Дев сверил три видимых отрезка: от решётки до поворота, ширину прачечной и промежуток до ближайшей двери. Затем прошёл обратно. Здание по-прежнему занимало больше места, чем оставлял ему план, но размеры Дев определял приблизительно. Возле отметки он написал: без точной съёмки.

Для следующего вывода понадобилось бы вскрытие, которого сейчас никто не проводил.

Он осторожно постучал по двум участкам. Звук различался, но после слоёв штукатурки, панели и труб мог различаться по десятку причин.

— Техническое пространство, — сказал Динеш. — Шахта, старый короб. Я говорил: не путь.

— Вы говорили ничего, — ответил Дев. — Теперь говорите техническое пространство.

Мирей провела ладонью над панелью, не касаясь свежей краски у края.

— После циклона здесь снимали лист. Тележки велели отодвинуть. Потом проверяли решётку вентиляции.

— Когда? — спросил Дев.

— После ветра.

— В какой день?

— Если бы я запоминала день каждого раза, когда мужчины велят отодвинуть бельё, у меня не осталось бы памяти на бельё.

— Кто закрыл панель последним?

— Не видела.

Динеш посмотрел на светлую царапину у края.

— Такие работы должны идти по заявке.

— Должны? — спросила Айша.

— Обычно идут.

— После циклона?

Он вздохнул и начал перечислять исключения. Срочную протечку устраняли до подписи. Панель могли открыть по устной просьбе старшего. Решётку переносили, если она мешала провести материал. Часть карточек заполняли после работы. Несколько изменений в план не попали вовсе.

— Кто решал, что переносить на план? — спросил Дев.

— Техническая служба должна была передавать изменения администрации.

— Передавала?

— Иногда мне приносили карточку без схемы. Иногда схему без фамилии. Я складывал то, что было.

— А если не было ничего?

— Тогда утром все хотели, чтобы я помнил ночную работу лучше людей, которые её делали.

Динеш разгладил карточку ребром ладони и поставил её в пачку по дате. Дев дал ему закончить.

— Почему сразу не сказали о неполных карточках?

— Потому что неполные в вашем деле быстро станут поддельные. А в газете — исчезнувшие.

Айша не возразила.

Динеш провёл ногтем по сгибу плана.

— Я знаю многие переделки, — сказал он. — Не все. И не видел, чтобы отсюда кто-то проходил к балкону.

— То есть пройти невозможно? — спросил Дев.

Динеш посмотрел на бумажный тупик, затем на настоящую стену.

— Я не могу показать вам такой путь.

Дев записал ответ дословно.

Динеш предложил принести заявки и временные пропуска.

Айша указала на неровно посаженную решётку.

— При ремонте её открывали, — сразу сказал он.

— Поэтому сначала посмотрим записи, — ответил Дев.

Дев вернулся к пачке карточек и отделил те, где упоминались панель, решётка или вентиляция. Даты на план не переносил: сначала их предстояло сверить с временными пропусками. Дев читал заполненные поля вслух. Динеш останавливал его, когда подпись старшего подтверждала только заявку, а не присутствие человека у панели.

Динеш собрал отделённые карточки и пошёл к служебной стойке.

Belle Rive, вторая половина дня 21 февраля.

Светлая царапина начиналась не у замка.

Она шла по окрашенному краю панели там, где инструмент или металлический угол мог соскользнуть при открывании. Дев наклонился, не касаясь её. В сухом углу скопилась пыль. Ни царапина, ни пыль не сообщали, кто стоял здесь ночью.

— Открывали недавно, — сказала Айша.

— Недавно — это после циклона.

— Я сказала не ночью.

— Поэтому я записываю оба варианта.

В блокноте Дев написал: срочное вскрытие при ремонте; ниже — панель закрыта небрежно после работы. Третью строку оставил пустой.

Он попросил Динеша показать панели, которые точно открывали после шторма. На одной краска была сбита сильнее. На другой край оставался чистым, хотя карточка ремонта лежала у стойки. Состояние поверхности зависело не только от времени, но и от инструмента, спешки и человека, который закрывал.

— Похоже? — спросила Айша.

— Достаточно, чтобы не считать нашу царапину особенной.

— И недостаточно, чтобы считать её ремонтной.

— Именно.

Он записал сравнение рядом с двумя объяснениями.

Вентиляционная решётка сидела чуть кривее соседней. Один край выступал, но винты не выглядели сорванными. Если её двигали, это мог сделать ремонтник. Если через участок проходил человек, решётка всё равно не доказывала его путь.

Динеш остановился в стороне от панели и ждал, когда Дев закончит осмотр.

— Я найду заявку, — сказал он.

— Если она есть, — ответила Мирей.

— Работы проводились официально.

— Официально бельё тоже не должно было лежать в коридоре. Оно лежало, потому что с потолка шла вода.

Дев спросил, что она помнит без документов.

Мирей помнила тележки. Их пришлось отвести к дальней стене, чтобы освободить проход. Помнила мокрые простыни, которые падали с верхней полки. Помнила двух людей с инструментами, но не могла уверенно сказать, были ли они одной бригадой и в какой день приходили.

— Я смотрела, чтобы они не наступали на чистое бельё, — сказала она. — Пропуска висели не у них на лбу.

— Кто потом вернул тележки?

— Мы.

— Панель была уже закрыта?

Мирей подумала.

— Решётка стояла. Ровно или нет — тогда никому не было дела.

Дев записал предел памяти. Динеш назвал руководителя работ, затем уточнил, что тот отвечал за заявку, а не за каждого вошедшего. Срочные задания иногда оформляли после выполнения. Подрядчик мог привести помощника, которого в гостиничной записи не было.

Объяснение подходило и к беспорядку ремонта, и к человеку, который воспользовался беспорядком.

Айша присела у решётки, посмотрела вдоль края и поднялась.

— Если мы напишем, что здесь есть неучтённый технический объём, администрация к вечеру назовёт всё старой шахтой и ремонтом.

— А если газета напишет обнаружен ход, каждый работник к вечеру вспомнит человека, который по нему шёл.

— Я не говорила ход.

— Пока.

Она посмотрела на него так же, как Динеш минутой раньше посмотрел на неё.

— Удобное слово.

— Точное.

— Нет. Удобное. Оно позволяет считать, что ошибка всегда произойдёт позже и не по твоей воле.

Дев опустил карандаш. Разговор перестал касаться стены раньше, чем он успел это остановить.

— Мне нужно время на проверку.

— Свидетелям тоже нужно время, пока им не объяснили, что они должны были видеть.

— Публикация объясняет не хуже администрации.

— Поэтому я здесь, а не в редакции.

За решёткой работал вентилятор. Гул проходил через стену и делал её объём больше, чем она выглядела. Дев знал этот спор: Айша считала промедление способом власти переждать вопрос; он считал скорость способом потерять различия. Когда-то они умели заставлять эти две ошибки мешать друг другу.

Доверять для этого не требовалось. Требовался порядок.

— До публикации непроверенного факта вы сообщаете мне сам факт и формулировку, — сказал он. — Я говорю, что могу проверить и где заканчивается полицейский вывод.

— А до того, как ваша проверка станет официальной версией?

— То же самое.

— Мои источники не переходят к полиции.

— Не автоматически.

— И если у меня будет единственный оригинал, я его не отдам за обещание вернуть.

— Тогда показываете копию или ту часть, которую можно проверить. Если это не исказит смысл.

— Решать, искажает ли, буду я.

— Сначала — да.

— Если вы не успеете проверить до выхода номера?

— Я скажу, что проверка не завершена. Если полиция промолчит, напечатаете это — не превращая молчание в подтверждение.

— И неподтверждено не станет опровержением?

— Пока оно означает только отсутствие проверки — нет.

Айша кивнула на его блокнот.

— Полный не получите.

— Я его не просил.

Дев перевернул страницу.

— Начнём сейчас. Царапина официально не датирована. Решётка могла быть смещена при ремонте. Технический объём не доказан как проход.

Айша не записывала. Запоминала условия.

— Мирей повторит сведения о ночлеге и работах, если сначала будет ясно, что признание не станет дисциплинарным списком.

— Это решает она?

— Это её условие разговора.

Мирей, стоявшая рядом, сказала:

— Теперь решаю я.

— Хорошо, — ответил Дев.

Динеш вернулся из служебной стойки с пачкой листов. Бумага была тёплой от душного шкафа и разной по размеру. После Hollanda учёт временно вели не только в обычном журнале: на отдельных сменных листах записывали сотрудников, подрядчиков, время входа и причину допуска.

— Это временно, — сказал Динеш.

— Временно когда? — спросил Дев.

— Пока не вернули обычный порядок.

— Его уже вернули?

Динеш посмотрел на пачку.

— Не полностью.

Они разложили листы на стойке. Заголовки писали разными руками. В одной строке стояла фамилия и не было времени. В другой — крыша, но не причина. Несколько поздних дописок теснились у края другими чернилами. Один подрядчик был обозначен только названием работы.

На одном листе человек сначала значился как сотрудник, потом слово зачеркнули и написали подрядчик. На другое время ухода заменяла пометка с бригадой. Исправления не выглядели единым способом что-то скрыть: каждый дежурный спасал ту часть порядка, которая требовалась ему утром.

Дев попросил Динеша объяснить, как лист начинал смену и куда должен был попасть после неё. Чистый бланк брали у стойки. Записывать мог старший, охранник или тот, кому поручили дверь. Заполненный лист возвращали в общую пачку, иногда вместе с заявками на ремонт.

— Кто проверял, что вернули все? — спросил Дев.

Динеш посмотрел на него с усталостью.

— В обычную неделю — я. В ту неделю мы проверяли, вернулись ли люди.

Дев не пытался сделать из пачки полный список. Сначала отделил то, что написали в смену, от того, что добавили позже. Затем выстроил листы по дням.

Последовательность перескочила через одну смену.

— Нужная ночь, — сказал Динеш. — Учёт должен был быть на отдельном листе.

— Должен был или был?

— Старший получил чистый лист. Вернулся ли заполненный, я не видел.

— Где его хранили после смены?

— Возвращали к стойке. Иногда оставляли вместе с заявками.

Айша провела пальцем над датами, не трогая бумагу.

— Пропал только этот?

Динеш пересчитал снова. Дев уже видел второй скачок, потом третий. Не подряд и не вокруг одной даты. В пачке отсутствовали несколько сменных листов за разные дни.

— Нет, — сказал Динеш. — Ещё эти.

— Их забрали? — спросила Айша.

— Не знаю. Могли не вернуть. Могли положить к ремонтным карточкам. Могли не заполнить.

Он начал оправдываться быстрее:

— После циклона люди брали бумагу, где находили. Кто-то писал на обороте гостевой формы. Иногда старший приносил записи утром.

— Остановитесь, — сказал Дев. — Сейчас мы не устанавливаем причину каждого провала.

Он проверил соседние листы. Бригады менялись по работе, охрана проводила людей группами. Восстановить по этим записям состав пропущенной смены не получалось.

Мирей нашла среди сохранившихся дат смену, которую помнила сама. Двух работников, спавших наверху, на листе не было: их допустили раньше, а остаться разрешили уже после того, как ответственный за запись ушёл от двери.

Динеш показал на две повторяющиеся фамилии.

— Эти люди часто поднимались. Можно начать с них.

— Начнём с задачи, — сказал Дев. — Не с того, чьё имя случайно сохранилось.

— Значит, вы не знаете, кто был наверху, — сказала Айша.

— Знаем некоторых, — ответил Дев.

— И не можете исключить остальных, у кого была законная причина.

Он посмотрел на пустое место между листами.

— Да.

Дев записал дату нужной смены и оставил место для недостающего листа. Почему его нет, Динеш объяснить не смог.

Динеш придвинул листы друг к другу. Между соседними датами по-прежнему не хватало ночи нападения и ещё нескольких смен.

Глава 9

Восток Маврикия, день 21 февраля 1994 года.

Два багета Мари-Анж прижала локтем. В правой руке держала ведро, в левой — аптечный пакет, который нельзя было намочить. К дому подошла боком и толкнула калитку бедром.

Ручка ведра врезалась в пальцы. Вода плеснула на юбку, но лекарства остались сухими.

В кухне Мари-Анж поставила лекарства на верхнюю сухую полку. Завернула хлеб в чистую ткань и только тогда сняла обувь. На пальцах ещё держался запах аптечного пакета.

Она перелила часть воды в закрытый сосуд, остальное оставила для мытья. Из крана вода уже шла, но после десяти дней перебоев Мари-Анж предпочитала иметь запас на вечер. На столе лежала записка из клиники с просьбой прийти раньше: дневная смена задержалась, ночной не хватало рук.

Мари-Анж прижала записку сухой чашкой. До выхода оставалось меньше двух часов. За это время надо было накормить Ноэ, проверить лекарство и получить от Бенуа точное время.

Ноэ сидел возле окна, где ещё держался дневной свет. Перед ним лежал школьный лист. Он водил мягким карандашом по спине человека у наружной стены.

— Покажи стену, — сказала Мари-Анж.

Он показал через окно на боковую стену дома, у той части пристройки, которую Бенуа достраивал последней.

Ноэ было девять. Людей он почти всегда рисовал со спины: тогда не надо было правильно делать глаза и угадывать, куда они смотрят. Сейчас плечи на листе были слишком широкими, а одна рука выходила длиннее другой.

— Ты стоял здесь?

— Возле стола.

— Он был ближе к двери или к углу?

Ноэ приложил карандаш к листу, будто мог измерить им двор.

— К углу. Но не совсем.

Мари-Анж подошла к окну и присела, чтобы смотреть с его высоты. Отсюда нижнюю часть стены закрывала деревянная рейка. Человеческие ноги можно было увидеть только до колен.

— Голова была повернута к тебе?

— Не знаю.

— Что ты видел сам?

Ноэ посмотрел на рисунок.

— Спину.

— Только спину?

— Только спину.

Карандашный блеск ложился на лопатки короткими штрихами. Мари-Анж коснулась края бумаги, не рисунка.

— Рубашка была?

Ноэ нахмурился.

— Я не видел.

— Волосы?

— Не знаю.

— Лицо?

— Он стоял спиной.

Последний ответ прозвучал раздражённо. Мари-Анж не стала спрашивать снова: от повторных вопросов Ноэ начинал выдумывать.

— Почему она блестит?

— Он был мокрый. Или так светило.

— Хорошо.

Ноэ подождал. Потом сказал:

— Во дворе говорили, что была собака.

— Собаку видел ты?

— Нет.

— Тогда она не на этом листе.

Он кивнул и потёр ластиком пустое место возле стены. Следов собаки там не было.

— А стучали три раза, — сказал он тише.

— Ты слышал?

— Мне сказали.

Мари-Анж подняла его руку с ластиком.

— Не исправляй то, чего ты не рисовал. Просто скажи: это услышал потом.

Ноэ повторил, сначала как школьное правило:

— Это я услышал потом.

Она попросила его показать расстояние ещё раз. Он поставил чашку там, где, по его памяти, находился человек, и отступил к столу. Потом передвинул чашку ближе к углу. Мари-Анж не поправляла. Ей было важнее увидеть, где он остановится сам.

— Ты испугался до того, как он ушёл, или потом?

Ноэ задумался.

— Сначала спрятался. Потом они кричали про Touni.

— Где спрятался?

Он показал под стол. Там ещё лежала деревянная машинка без одного колеса. Мари-Анж вытащила её и поставила рядом с рисунком. Если ночью Ноэ снова ползет туда, он должен хотя бы не удариться коленом.

Пугать его расспросами дальше она не хотела. Мокрого незнакомца у стены Ноэ действительно мог испугаться.

Лист она положила между двумя его тетрадями. Если завтра Ноэ вспомнит меньше, на бумаге не должно стать больше.

К вечеру вернулся Бенуа. Дверь ещё не закрылась, а в коридоре уже щёлкнул фонарь.

— Контакт отходит, — сказал он. — Сейчас сделаю.

Он сел у порога, снял крышку и подогнул металлическую пластинку ногтем. В мастерской Бенуа чинил машины, дома — всё, что удавалось удержать проволокой, винтом или терпением. Когда они строили сначала две комнаты и кухню, он сам проложил часть проводки. Потом появилась пристройка, потом веранда. После циклона потекло именно там, где он когда-то спешил закончить до дождей.

Бенуа снова нажал кнопку. Щелчок получился чистым, хотя в комнате ещё хватало света.

— Теперь не пропадёт.

Мари-Анж поставила перед ним хлеб и не стала спрашивать, кто увидит его исправный фонарь.

— Мне выходить в клинику меньше чем через два часа. Вернусь после рассвета. Лекарство на верхней полке, две ложки после еды. Ноэ нельзя оставлять одного.

Бенуа проверил ремень фонаря.

— Я знаю.

— Останься с ним.

Он поднял глаза.

— У дороги всё ещё лежит лист кровли. Старик у поворота не может пройти один. Воду надо донести в два дома.

Мари-Анж знала оба адреса: в одном был повреждён местный подвод, в другом после циклона не восстановили домашний запас.

— И у мастерской ночью кто-то ходил, — добавил Бенуа. — Вынесли бы инструменты, если бы хозяин не проснулся.

— Тогда проводите хозяина и запишите, что пропало.

— Ты думаешь, бумага остановит вора?

— Нет. Но она не даст тебе назвать вором первого встречного.

Бенуа отвернулся к фонарю. Когда соседская машина ломалась, он сначала спрашивал, какой был звук, и только потом открывал капот. Мари-Анж не понимала, почему к человеку он теперь хотел подойти в обратном порядке.

— Отнеси фонарь и список сейчас, — сказала она. — Помоги расчистить проход. К моему уходу вернись.

— Люди собираются на всю ночь.

— Я не спрашиваю про людей. Я спрашиваю про Ноэ.

Бенуа посмотрел на сына. Ноэ быстро закрыл одну тетрадь другой, но край рисунка остался виден.

— Это он видел? — спросил Бенуа.

— Он видел спину.

— Мокрый был?

— Возможно.

— А собака?

— Он её не видел.

Бенуа вытянул лист. Ноэ держал тетрадь двумя руками и не отпускал. На секунду отец и сын замерли по разные стороны бумаги.

— Оставь, — сказала Мари-Анж.

Бенуа убрал руку.

— Если дети уже видят их у домов, тем более нужен патруль.

— Ребёнку нужен взрослый в доме.

Он встал и повесил фонарь на плечо. Исправный ремень лёг ровно.

— Я теперь отвечаю не за один дом.

Мари-Анж перестала складывать полотенца.

Ещё год назад эта фраза означала бы, что Бенуа принесёт соседке деталь для насоса, починит чужую дверь и вернётся поздно, виновато улыбаясь. Теперь в ней было больше гордости, чем усталости.

— Тогда скажи, за какой дом отвечаю я, пока работаю в клинике.

Он уже смотрел во двор, где его ждали голоса.

Ноэ сидел неподвижно. Обычно при ссоре родителей он рисовал быстрее, заполняя весь лист. Сейчас карандаш лежал поперёк тетради. Мари-Анж убрала чашку сына, разрешила хлеб и завернула половину для младшей сестры.

Мари-Анж достала чистый лист и записала часы смены, лекарство, хлеб и имена родственников, у которых можно оставить Ноэ. Смену она не отменит. Значит, придётся отвести его самой.

Бенуа открыл дверь.

— Я приду, как только смогу.

— Это не время.

Он вышел.

Мари-Анж подняла ведро из-под стола и пошла собирать Ноэ.

Восток Маврикия, вечер 21 февраля 1994 года.

Во дворе люди сходились прямо у ящиков и машин. Стулья никто не расставлял, поэтому говорить длинно было неудобно.

За одним столом отмечали два дома, куда вода не доходила после восстановления общей подачи. Под навесом складывали коробки с едой. Возле стены мелом писали на аккумуляторах очередь зарядки. На дороге спорили, пройдёт ли тележка между поваленным деревом и канавой.

Из крана у приходской стены вода текла ровно. Женщина наполнила кружку, выпила и сразу поставила под струю бутылку для чужого дома. Теперь вода застревала на последних метрах: перебитая труба, пустой бак, пожилые руки, которым полный сосуд был тяжелее обещаний о восстановленной подаче.

Мальчик принёс записку с внешней дороги. Там убрали дерево, но грузовая машина ещё не проходила. Пока один человек читал, другой уже перекладывал бутылки из ящика в мешок, который можно было нести вдвоём. Никто не ждал общего решения, если хватало частного.

Мари-Анж пришла с аптечным пакетом и сложенным листом. Ноэ она отвела к младшей сестре, где уже ночевали двое детей из дома с повреждённой крышей. С этим снова справились без Бенуа.

— Сначала вода, — сказала она, положив лист на край стола. — Здесь подвод перебит у самого двора. Здесь бак опустел после циклона, а пожилой человек не донесёт полный сосуд от общего крана.

— Бутылки есть, — ответил мужчина у коробок. — Водитель вернётся после заката.

Рашид Элахи, распределявший водителей у мечети, спросил имя водителя и время обратной дороги. Днём при мечети собирали воду и составляли список пожилых, которым нужна помощь. Теперь оттуда принесли ещё коробки с едой: часть для iftar, часть — людям, которые уйдут на дорожные работы и не успеют домой.

Услышав одно и то же имя у трёх маршрутов, Рашид провёл пальцем по списку и оставил водителя только в одной строке.

— Одного водителя не обещаю на три маршрута, — сказал Рашид. — Дайте ему один путь и людей, которые разгрузят.

— Пусть заберёт еду на обратной дороге, — сказала Мари-Анж.

— На обратной он повезёт женщину с детьми.

— Тогда коробки на тележку.

Отец Габриэль с другого конца стола поднял два пальца: тележку уже обещали людям с досками. Анил повернул лист на девяносто градусов и провёл новый путь, чтобы доски выгрузить раньше, а еду забрать позже. Разговор о воде сразу стал разговором о дороге, ночлеге и времени семьи, которая ждала водителя дома после заката.

Пандит Анил Бихари уже двигал мелом отметки у стены.

— Тележка пойдёт сюда, машина — по внешней дороге. Большую тару заберём у кухни. Где свободные руки?

Анилу было сорок девять. Мари-Анж знала, что он много лет сводил кухонные дежурства, поездки пожилых и мелкие ремонты при храме. Сейчас он опять начал с машины, тары, свободных рук и времени возвращения. Три клочка бумаги уже лежали перед ним как один маршрут.

— Вы отметили наши индуистские семьи? — спросил помощник у стола.

Молодая родственница Сариты перестала завязывать коробку.

— Какие «наши»?

— Те, кому повезут от храма.

— Моя семья ходит в другой kovil. Анил не знает всех наших домов и не говорит за нас.

Она произнесла это спокойно и тут же переставила коробку с прохода, чтобы не мешала тележке.

Анил не обиделся.

— Тогда поправьте поворот.

Она показала дорогу на его листе и добавила дом, где после дождя снова протекла крыша. Отец Габриэль Леон, шестидесятитрёхлетний приходской священник, нашёл для семьи сухое место на ночь. После Hollanda он отмечал в приходском списке свободные кровати, целые крыши и тех, кто мог нести доски.

Женщина у стены напомнила Габриэлю, что две семьи уже собираются вечером у родственников и приходская комната освободится только после их возвращения. Он зачеркнул своё первое время. Начавшийся Lent менял семейные часы и приходские обязанности: кому-то надо было закрыть кухню, кому-то — довести детей, кому-то — успеть к общей молитве после ремонта крыши.

— Комната свободна после восьми, — сказал Габриэль. — До этого пусть семья ждёт под навесом, не на улице.

Рашид переставил коробки для iftar дальше от мокрых досок. Родственница Сариты подала ему сухую ткань, а он придержал ей тару, пока она затягивала узел. Их руки договорились раньше, чем люди у стола закончили спор о том, кого кто представляет.

— Запишите, что место предложено, — сказал Габриэль. — Не пишите, что мы можем войти и проверить.

— Если дверь не откроют, как узнаем, что там всё хорошо? — спросил Бенуа.

Он стоял рядом с мужчинами, которые собирались идти в темноту. Старый фонарь висел у него на плече и время от времени гас от толчка. Каждый раз Бенуа щёлкал кнопкой, возвращая свет.

— Постучите днём, — сказал Габриэль.

— А ночью?

— Ночью человек может не открыть именно потому, что за дверью группа мужчин.

Мари-Анж внесла в маршрут лекарство и закрыла ладонью остальную строку.

— Кому? — спросил помощник.

— Тому, кому его назначили.

— Нам нужен адрес.

— Адрес получите. Диагноз — нет.

За спиной кто-то поднял мачете и спросил, кто понесёт его на тёмном участке. Габриэль повернулся раньше остальных.

— Никто.

— Вы сами говорили о зле.

Слово вернулось к священнику уже без всей проповеди, которую он произнёс. Мари-Анж увидела, как он сжал губы.

— Я не говорил, что зло надо рубить у дороги.

— А если он бросится?

— Тогда вас будет шестеро. Отойдёте и позовёте полицию.

Возле Рашида молодой доброволец предложил пройти маршрут с чтением молитв против джинна. В ответ кто-то засмеялся. Рашид остановил смех поднятой рукой.

— Молиться тебе никто не запрещает. Называть соседа джином — запрещаю я.

— А если он не сосед?

— Сначала узнай, кто перед тобой.

Спор перешёл к фонарям. Их оказалось четыре, а участков — шесть. Один доброволец потребовал сначала пройти дома знакомых семей. Родственница Сариты поставила на тележку тару от храмовой кухни и сказала, что вода не выбирает, у какого храма стоит сосуд. Другой предложил сократить общий маршрут, оставив дальний тёмный отрезок на завтра.

В это же время Мари-Анж раскрыла аптечный пакет и проверила флакон на свету. Женщина, которой его предстояло отнести, хотела положить лекарство рядом с горячей едой.

— Отдельно, — сказала Мари-Анж. — И не оставляйте под дождём.

— В какой дом?

Мари-Анж показала строку. Рашид узнал поворот и предложил присоединить доставку к сопровождению. Анил заметил, что тогда люди дважды пойдут по одному тёмному отрезку. Габриэль отдал им фонарь, который собирались оставить у навеса. Через минуту лекарство, вода и безопасная дорога уже были одной задачей, хотя каждое пришло от другого стола.

Анил взял мел и вписал себя напротив этого отрезка.

— Вы же говорили, что в темноте один не ходите, — заметил кто-то.

— Поэтому иду не один.

Он не улыбнулся и остался ждать тех, кто пойдёт с ним.

Мари-Анж перевернула лист и свела поручения в один маршрут. Указала, кто несёт воду, кто освещает дорогу и где группа останавливается. Отдельно отметила исправленный поворот и комнату, свободную после восьми. Потом вычеркнула «обход» и оставила три глагола: «донести», «проводить», «закреть».

Записи лежали на обрывке упаковки, обороте приходского объявления и двух аптечных листках. Аккумулятор, помеченный первым, уже забрал человек с ремонтной бригадой. Один фонарь нужен был водителю, другой — у крыши, третий — группе сопровождения. Бенуа ударил свой ладонью; свет вернулся и снова задрожал.

После заката к дороге подъехал пикап.

В кузове металлически стукались одинаковые фонари.

Харун Валли вышел, когда маршрут уже выбрали, а фонарей всё ещё не хватало. Сорока-восьмилетний оппозиционный депутат умел приезжать вовремя. Мари-Анж видела его в забытых районах раньше министров — обычно с канистрами или коробками в кузове.

— По одному на группу, — сказал он. — И запасные батарейки. Завтра будет ещё.

Помощники начали разгружать коробки. На каждой пачке карточек было напечатано: «Комитет защиты».

Рашид взял фонарь для водителя. Габриэль передал другой людям с досками. Анил проверил третий и отнёс его к таре. Родственница Сариты направила четвёртый к женщине, которую предстояло проводить.

— Вот так и надо работать, — сказал Валли.

Он не спросил, о чём спорили до его приезда; только проследил, как фонари расходятся по рукам.

Помощник положил перед Мари-Анж карточку.

— Перепишите адреса. Здесь маршрут, здесь дежурные, здесь ответственный.

Форма была лучше обрывков. Мари-Анж переписала оба дома и время доставки. В строке лекарства оставила только адрес и слово «передать». Медицинский лист сложила и вернула в карман.

— А имя пациента?

— Для доставки достаточно адреса.

Валли услышал и кивнул так, будто ограничение тоже исходило от него.

Бенуа уже держал новую карточку. Другой рукой он взял фонарь из коробки и включил его при всех. Ровный круг лёг на стол, скрыл пятна от старых записей и сделал бумагу бледнее.

— Ответственный? — спросил помощник.

— Пишите меня.

Мари-Анж посмотрела на пустую строку в карточке Бенуа. Что он напишет, если опять увидит незнакомого человека?

— Ноэ устроен? — спросил Бенуа, не поднимая головы.

— Да.

Бенуа выдохнул и вписал своё имя. Где устроен Ноэ, он не спросил.

В разных руках зажглись одинаковые фонари. Свет растянулся от дороги к кухне и приходской стене; издалека уже трудно было понять, кто где стоял и кто кому помогал.

Восток Маврикия, вечер 21 февраля 1994 года.

Первым делом при свете новых фонарей вытащили человека из канавы.

Дождём размыло край дороги, и в темноте он сливался с травой. Двое патрульных встали по сторонам, опустив круги света к земле. Остальные отвели пожилого мужчину на твёрдый участок и перетащили с прохода тяжёлую ветку.

Мари-Анж попросила не светить человеку в лицо. После нескольких минут в темноте он прикрывал глаза и ставил ногу туда, где уже не видел земли. Фонари опустили ниже. Один доброволец нашёл обрывок светлой ткани и привязал к ветке у канавы, чтобы следующий прохожий заметил край раньше, чем круг света уйдёт в сторону.

За поворотом доска на временном мостике сдвинулась после дождя. Бенуа проверил её ногой, велел двум людям держать и забил выступавший гвоздь камнем. Мари-Анж сперва помогла перенести сосуды, затем перевела людей по одному.

Под доской Бенуа нашёл лист ржавой жести. В одиночку его нельзя было поднять без риска порезать руки. Вчетвером они отнесли металл к стене и прижали камнем.

— Завтра уберём совсем, — сказал Бенуа.

Люди согласились. Пока он говорил о дороге, его голос не отличался от прежнего — того, которым он звал соседей держать крышу или толкать заглохшую машину.

Мари-Анж сверилась с карточкой. Один адрес был отмечен углом, второй — короткой чертой. Имена дежурных помещались рядом, поэтому никого не забыли у общего крана.

Первую воду донесли пожилому жильцу, у которого повреждённый подвод заканчивался сухой трубой у двора. Он хотел пустить всех внутрь и рассказать, что слышал ночью. Мари-Анж поставила бутылки у двери.

Она попросила его поднять одну. Он взялся обеими руками, но левая дрогнула и пластик зашуршал. Патрульный перенёс бутылки в кухню, спросив разрешения прежде, чем переступить порог. Мари-Анж отметила доставку на карточке и оставила место для следующего раза.

— Сначала вода. Историю расскажете утром тому, кто пришёл за историей.

Во втором доме общий кран работал, но домашний бак после циклона оставался пустым, а носить полные сосуды было некому. Туда передали воду и коробку еды. Никто не спросил, видел ли хозяин мокрого человека.

У калитки они встретили мальчика с пустой кастрюлей. Он сказал, что мать не открывает незнакомым после темноты. Один доброволец назвал своё имя и оставил коробку на табурете у двери. Изнутри ответили только после того, как группа отошла к дороге. Мари-Анж услышала скрип задвижки и вычеркнула второй адрес.

— Не заходили? — спросил Бенуа.

— Доставили, — ответила она.

На следующем повороте ждала женщина. Двое добровольцев провели её через тёмный участок, остановились у калитки и не пошли во двор. Она поблагодарила их: теперь ей не пришлось выбирать между длинной дорогой и шестью мужскими фонарями за спиной.

По пути один из сопровождавших шёл слишком близко. Мари-Анж переставила его фонарь на внешний край группы, будто меняла людей местами у больничной койки. Теперь свет показывал канаву, а не затылок женщины. Возле дома женщина сама сказала, когда дальше пойдёт одна.

Пока работа состояла из таких действий, Мари-Анж понимала, зачем идёт рядом.

У повреждённой мастерской один из фонарей поймал движение. Мужчина тащил ящик с инструментом через пролом в ограде. Хозяин выбежал на шум и назвал две вещи внутри

прежде, чем крышку открыли: большой ключ с обмотанной ручкой и короткий молоток с треснувшей рукоятью.

Оба предмета лежали в ящике.

Мужчину остановили у дороги. Хозяин забрал вещи и сказал, что утром пойдёт в полицию. Патрульные отвели мужчину к освещённому двору, где были свидетели, и заговорили наперебой.

Один хотел связать ему руки. Бенуа не позволил: человек стоял спокойно, рядом были хозяин и трое свидетелей. Мари-Анж одобрительно кивнула мужу.

На карточке записали, где нашли ящик и кто узнал содержимое. Мари-Анж настояла, чтобы слово «вор» не заменяло описание.

— Без нас всё вынесли бы, — сказал один.

После возвращённой вещи спорить с ним о карточках казалось придижкой.

Помощник организаторов принёс запасные батарейки и горсть партийных значков. Батарейки раздали по маршрутам. Значки никто брать не заставлял.

Бенуа взял сам.

Булавка проколола рубашку возле ремня фонаря. Теперь на груди рядом висели полезная вещь, бумажная карточка и знак человека, который эти вещи привёз.

— Чтобы знали, кто работает, — объяснил Бенуа.

Карточку перевернули, потому что на лицевой стороне кончилось место. Сверху написали: «подозрительные».

Первой строкой отметили мастерскую и настоящую кражу. Вторая появилась после слов женщины, которая видела соседа поздно вечером на дороге. В третьей записали дом, где не открыли. Четвёртая называла семью, отказавшуюся пустить патруль проверить задний двор.

Каждая следующая строка требовала меньше. У мастерской был ящик. У позднего прохожего — только поздний час. У закрытого дома — чужое ожидание, что дверь обязана открыться. Бумага принимала всё одинаковым карандашом и делала причины похожими.

Житель принёс ещё одно сообщение: у соседа давно стоит сломанная машина, а теперь возле неё по ночам собираются люди. Бенуа спросил, сколько людей и что они делали. Житель не знал. Мари-Анж вернула карточку помощнику до того, как появилась пятая строка.

— Сломанная машина — не происшествие.

— После циклона всё может быть укрытием.

— Тогда запишите весь район.

— Почему они отказались? — спросил кто-то.

— Потому что вы пришли ночью, — сказала Мари-Анж.

— А если им есть что скрывать?

— У двери есть замок именно для тех, кого не хотят впускать.

Патрульные уже останавливали прохожих. Одного спросили, куда он идёт. Другого попросили развернуть свёрток. Внутри оказалась рабочая рубашка. Мужчина завернул её снова медленнее, чем разворачивал.

Ни фонарь, ни значок не давали Бенуа права задавать эти вопросы. Но когда пять кругов света сходились на одном лице, вопрос звучал как распоряжение.

На карточку попытались перенести пометку с листа Мари-Анж.

— В этом доме больной, — сказал помощник. — Значит, надо проверять, ответил ли.

Она забрала карандаш.

— В этом доме надо оставить лекарство.

— Если никто не выйдет?

— Положите на сухое место, постучите и ждите с дороги.

Мари-Анж перечеркнула начало диагноза. На бумаге осталось только: «передать».

— Закрытая дверь ничего не подтверждает, — сказала она.

Двум добровольцам она дала сосуд с водой и пакет. Они ушли и вернулись с пустыми руками: дверь открыла пожилая женщина, лекарство забрала, во двор никого не звала.

— Значит, всё нормально, — сказал один.

— Значит, передали, — поправила Мари-Анж.

Бенуа дождался, пока люди отойдут.

— Ты связываешь руки тем, кто защищает район.

— Я только что помогла тебе вернуть чужой инструмент.

— Потому что мы проверили.

— Потому что увидели кражу. Ты видел кражу — останови. Ты увидел закрытую дверь — иди дальше.

— Пока кто-нибудь не выйдет оттуда с мачете?

— Мачете сейчас хотел нести человек рядом с тобой.

Бенуа оглянулся. Значок на его груди поймал свет и блеснул раньше глаз.

— Ты всегда думаешь, что знаешь, где провести линию.

Мари-Анж посмотрела на перечёркнутую строку. Если оставить остальные, завтра их уже будут читать как проверенные сведения.

— Нет. Я смотрю, что произошло до того, как ты поднял руку.

Позднее тем же вечером.

До выхода Мари-Анж в клинику оставался один короткий участок маршрута. Карточка уже стала плотной от карандашных строк; люди устали, но фонари светили ровно.

— Там кто-то есть, — сказал патрульный впереди.

На тёмном участке дороги показался мужчина без рубашки. Свет коснулся открытых плеч и влажной спины. Он шёл возле повреждённых дворов, ничего не нёс и ещё не подошёл достаточно близко, чтобы увидеть лицо.

Мари-Анж услышала, как Бенуа втянул воздух.

Он побежал.

Он даже не окликнул мужчину и не спросил, куда тот идёт: сразу сорвался с места, а остальные приняли его движение за команду.

Фонари запрыгали по стенам. Мужчина обернулся и исчез между двумя дворами. За ним ушли Бенуа и ещё четверо.

Мари-Анж осталась у дороги с карточкой и женщиной, державшей пустую корзину. Из темноты доносился дробный топот. Один луч мелькнул над низкой крышей, другой упал в канаву. Кто-то крикнул, что проход справа, — непонятно, своим или человеку впереди.

Потом звуки разошлись в разные стороны.

Патрульные вернулись по одному, без мужчины. Следов борьбы ни на ком не было. Бенуа тяжело дышал и не смотрел на жену.

— Ушёл через проход, — сказал он.

— Вы его тронули? — спросила Мари-Анж.

— Нет.

— Остановили?

— Потеряли.

— Ты велел ему остановиться?

Бенуа не ответил.

Помощник перевернул карточку. Под словом «подозрительные» он написал: не остановился.

— Ему никто не сказал остановиться, — произнесла Мари-Анж.

Карандаш задержался. Потом рядом появилось второе слово: убежал.

Имени в строке не было. Мари-Анж посмотрела на часы: до смены ещё оставалось время.

На карточке осталось другое: не остановился; убежал.

Глава 10

Восток Маврикия. Днём 21 февраля 1994 года.

Вечер 21 февраля для Дева ещё не наступил. Работали лавки, белёсое солнце стояло высоко, и люди видели друг друга целиком.

На столе участка он положил рядом три вещи, пока ещё не составлявшие портрета.

Показание Сариты: светлая полоса на левом запястье. Запись об опознанном браслете. Схема пути от старой дороги к постройке, где браслет нашли вместе с другими мелкими вещами.

Сложенная газета лежала под краем схемы. Из-под бумаги выступало одно большое слово. Пакет с браслетом рядом казался особенно маленьким.

— Полоса от часов, — сказал один из полицейских. — Сарита опознает его.

— Она опознает полосу?

— Мужчину с такой полосой.

— Таких мужчин больше одного.

Дев придвинул к себе показание.

— Сначала найдём человека через вещи. Потом проверим, совпадает ли остальное.

Юсуф развернул лист с рынками, временными прилавками и местами, где после циклона люди обменивали повреждённое имущество на то, что ещё можно было использовать. Он отмечал маршруты небольших предметов, описанных в заявлениях.

После Hollanda чужой предмет не обязательно был краденым. Люди продавали то, что успели вынести из повреждённых комнат, меняли лишнее на нужное, отдавали соседям имущество уехавших родственников. Законная вещь могла пройти три пары рук за день. Именно поэтому Дев не разрешил составить список всех работников без постоянного места.

— Так мы проверим быстрее, — возразил местный полицейский.

— Быстрее получим больше имён.

— Одно из них будет нужным.

— И остальные останутся в бумаге рядом с кражей.

— Постоянные лавки записывают хотя бы долги, — сказал Юсуф. — Быстрее всего вещь уйдёт там, где продавец сегодня стоит, а завтра разгружает грузовик в другом месте.

— Значит, спрашиваем о способе сделки.

— Не о человеке с часами?

— О радио, заколках и тех вещах, которые описали до нашей поездки.

Первый продавец узнал карманное радио, но видел два похожих. Второй вспомнил заколки после того, как Юсуф показал запись, и тут же перестал быть уверен, не вспоминает ли он саму запись. У третьего Дев не стал спрашивать имени.

Стол перекупщика стоял под куском брезента между лавкой с открытой крышей и мастерской, где стучали молотками. На досках лежали ремни, посуда, инструменты и вещи, пережившие Hollanda лучше домов своих владельцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.